

Алла Дубинская
Легенды Северных Земель

Книга первая. Наследник Хронома

Алла Дубинская

**Легенды Северных Земель. Книга
первая. Наследник Хронома**

«Издательские решения»

Дубинская А.

Легенды Северных Земель. Книга первая. Наследник Хронома /
А. Дубинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832014-9

Любой путь начинается с робкого шага, даже если этот шаг приводит в незнакомый, полный загадок мир. А путь, будь он длиною во всю жизнь, возвращает смельчака к себе, а иногда делает его участником истории — легенды целого народа. Нефиитовый мальчик, брат-книжник, советник Его Величества короля Уольвига, наследник мага Хронома — разные жребии, одна судьба.

ISBN 978-5-44-832014-9

© Дубинская А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. На пороге войны	6
Глава 1. «Нефиитовый» мальчик	6
Глава 2. В Большой Мир	9
Глава 3. Попутчик поневоле	14
Глава 4. Книжная братия	19
Глава 5. Отложенная трапеза	24
Глава 6. Кэвин находит друга	32
Глава 7. Братья	42
Глава 8. Совет	48
Глава 9. Решение	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Легенды Северных Земель

Книга первая. Наследник Хронома

Алла Дубинская

*Моему мужественному брату с искренним восхищением
и нежностью.*

*Моей маме, которая, несмотря ни на что,
продолжает любить меня.*

Памяти моего папы, который всегда верил в своих детей.

Группе Queen, чья музыка вдохновила меня на эту историю.

© Алла Дубинская, 2016

ISBN 978-5-4483-2014-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. На пороге войны

Глава 1. «Нефиитовый» мальчик

– Сколько сейчас времени? Долго еще спать? – подумал Кэвин и тут же проснулся.

Он открыл глаза. Вокруг царил полумрак. Бычьи пузыри на окнах были покрыты грязным налетом; в темноте окна походили на черные дыры. В некоторых местах гладкая поверхность пузырей прорвалась от мороза и выгибалась наружу, полощась на сквозняке рваными краями. В прорехи столь непрочного оконного покрытия пробирался холодный ветер.

– Юго-западный, – ежась от холода, подумал с тоской Кэвин.

За свою недолгую жизнь в этом бараке – а жил он здесь ровно столько, сколько мог себя помнить – Кэвин изучил характеры всех ветров, ветерков и даже дуновений и без флюгера в любую минуту «с закрытыми глазами» мог определить, кто из них продувал ветхое строение. Помимо Кэвина, в бараке дышало, сопело, храпело и вскрикивало во сне еще два десятка мальчишек от восьми до семнадцати лет. Старше никого не было. Все они либо находили себе работу в городе, либо просто не доживали до двадцати. Встречались и такие, у кого за десяток лет работы здесь легкие стали похожи на миниатюрные рудники, запорошенные пылью драгоценных камней, и они всю оставшуюся жизнь не могли избавиться от удушливого кашля. Они тоже отправлялись в город, когда работать на руднике становилось совсем невыносимо. Впрочем, рано или поздно все попадали на большой городской рынок Хламсваль, где одни перебивались попрошайничеством, а другие, более «совестливые» и самолюбивые, дурачили доверчивых уличных зевак фальшивым колдовством и «черной магией». И только торговки сердобольно и бескорыстно подкармливали мальчишек, жалея, точно солдат, вернувшихся калеками с войны. Кэвин не раз видел их, когда спешил через рынок с тяжелой сумкой образцов в замок к главному заказчику рудника, Доктору магу. Замок располагался на краю города, но не за его чертой, в отличие от других строений подобного рода. И это был вовсе не большой дом или дворец. Нет, самый настоящий замок с подвесным мостом и лебедкой за воротами, которая страшно скрежетала, стоило Кэвину дернуть за нефиитовую цепочку-звоник у внешней ограды.

Кэвин любил ходить в город, потому что в этот единственный день месяца ему не нужно было работать. Мастер отпускал его до самого вечера. В хорошую погоду приходилось идти до города пешком, потому что Бартус – так звали мастера – считал «безалаберным» морить скотинку по пустяковым поводам, то есть попросту не давал мальчику лошадь. «Безалаберность» было любимым словом мастера Бартуса, употребляемым им по всем возможным поводам и во всех возможных вариациях. Он вообще любил длинные и непонятные слова. И Кэвин даже не подозревал, что эта страсть мастера связана с его благоговением перед смышленостью и «ученостью» мальчика. Кэвин не догадывался и о том, что именно благодаря своей «учености», приобретенной им урывками, там и сям, он обладал преимуществом этих самых ежемечасных прогулок в город.

Раньше, пока ему не исполнилось четырнадцати, и он еще осмеливался мечтать, Кэвин всю дорогу рисовал себе свое будущее. Оно представлялось всегда необыкновенным, полным приключений подобных тем, о которых он успевал прочесть в книжных лавочках на рынке, прежде чем очередной торговец понимал, у мальчишки нет денег на книги, и он их вовсе не разглядывает, чтобы выбрать, а попросту нахально читает, не платя ни гроша. После нескольких позорных изгнаний из таких вот лавочек и от книжных лотков Кэвин научился читать очень быстро, «глотал» полсотни страниц за полчаса. Именно тогда, во времена своих «набегов» на книжные лавки, он стал ходить в замок через Хламсваль. Тогда же познакомился

с местными обитателями помоек, в прошлом такими же рабочими с рудника. Поначалу он лишь сочувственно опускал голову, чтобы не смотреть на них, потому что младшие могли его узнать. А Кэвин понимал, что даже совсем опустившемуся человеку невыносимо терпеть свое унижение на глазах у того, кто его знает. По мере того, как Кэвин вырос, ему становилось все тяжелее встречаться с ними, и он старался все дальше обходить места их обитания, тем более что на книги уже не хватало сил. А может, это было просто очередное разочарование, из тех, что с годами накапливаются в душе каждого человека.

Некоторое время назад он понял, приключения, в которые попадали персонажи его любимых книг, для самих героев вовсе не были захватывающими и удивительными; нет, это были неприятности, с которыми приходилось справляться. Но самым большим ударом для Кэвина стало открытие, что, в отличие от всех этих Каев-меченосцев, дев-воительниц и Смартов-колдунов, приключения его жизни не завершатся коронацией в ледяном дворце или даже полетом на луну. Вполне возможно, все закончится здесь, на Хламсвальской помойке. Это случилось год назад, когда он случайно видел смерть одного из «нефиитовых» мальчиков, как ласково именовали их торговки. С тех пор он мало вырос и еще больше устал. На вид ему можно было дать не больше двенадцати. Ростом и сложением Кэвин намного уступал сверстникам из Большого Мира.

Так «нефиитовые» мальчики именовали, скрытые от них воротами рудника, земли, что делили между собой народы Северверна или на языке людей – Северных земель, материка малоосвоенного, затерянного на просторах Срединных морей. Но обо всем этом юные «узники» не имели ни малейшего представления. Для них существовал лишь один Большой Мир, скорее выдуманный, чем настоящий: «Место, где намного лучше, чем здесь». О нем они грезили перед сном и мечтали, спускаясь в шахту рудника.

Кэвин не думал о Большом Мире. В отличие от остальных он не раз бывал за границами Королевских копий. В последнее время ему стало казаться, что с каждым годом его косточки делаются не сильнее, а дряхлее и хрупче. Он начал часто простужаться, что могло быть симптомом приближающейся нефиитовой астмы. Нефиит, самый дорогой камень королевства, добывали только в горных рудниках Западного предела. Ходили слухи, помимо редкой красоты, камень обладает волшебными свойствами, о которых, впрочем, по-настоящему знал только Доктор маг. А для маленьких рудокопов минерал был лишь источником болезней.

И сейчас Кэвин лежал, свернувшись калачиком, с тоской глядя в темноту. Ему, конечно, не удалось даже примерно определить, который час. Но он уже понял, что нечаянно проснувшись, дал мыслям возможность беспокойно бродить в голове. Теперь заснуть не получится. Он вспомнил о вчерашнем выходном, который ему неожиданно устроил мастер. Тот вдруг счел мальчика больным, что являлось на руднике по-своему выдающимся событием. Кэвин удивлялся, почему после столь неожиданной передышки не чувствует себя отдохнувшим; напротив, тоска по несбыточному чуду – избавлению от работы – стала потихоньку, «на цыпочках» пробираться в его сердце. Вскоре мальчик уже чуть не плакал от ужаса, что это желание никогда не исполнится.

Впрочем, обычно он не поддавался так легко мрачным мыслям. Кэвин принялся думать о сопевшем рядом Маклусе. О том, что вот у него есть семья, но это ничего в его жизни не меняет. И от этого Маклусу, пожалуй, гораздо хуже. Ведь он, Кэвин, сирота, и потому ему не на кого положиться. Но это все же не так грустно, как когда ты знаешь, что в двадцати кирнах¹ отсюда у тебя есть восемь человек родных, а ты все равно до конца своих дней будешь работать здесь, и никто не избавит тебя от незавидной участи. Кэвин увлекся новыми утешительными мыслями, вспомнил, как в прошлом году летом их отпустили на денек навестить родню Маклуса.

¹ Меры длины и высоты Северверна: 1 кирн = 20 свирнам, 1 свирн = 50 мианам.

Когда пришла пора возвращаться, одиннадцатилетнего Маклуса вдруг «прорвало», он начал жаловаться, что от работы болят кости, и на руднике ему тяжело дышать. Кэвин заметил, как старательно мать его приятеля делала вид, будто не слышит сына. Ее взгляд сделался пустым, и после очередного всхлипа она велела Маклусу попрощаться с братьями и запахнуться «покрепче», чтобы не застудиться. Кэвин тогда был еще не таким взрослым, но все понял. Мать Маклуса кормила, обстирывала и обхаживала семерых оборвышей, оставшихся два года назад без отца. Она отдала старшего сына на рудник и теперь ничего не могла сделать ни для него, ни для тех, кто еще оставался с ней.

Пока Кэвин размышлял обо всем этом, «подкрался» новый день. Дверь в барак распахнулась, и, как всегда, топоча сапогами, вошел мастер Бартус, неся с собой резкий свет фонаря и снег, вихрем свежего морозного воздуха сбитый с верхушек кустарника, растущего у порога.

Глава 2. В Большой Мир

– Вставайте, ребята! – прогреготал Бартус от самой двери, размахивая фонарем во все стороны, отчего тени заплясали по стенам барака.

Впрочем, как обычно, сразу никакой реакции не последовало. Некоторые мальчики, поморщившись от яркого света, лишь поглубже запрятали носы под куртки, служившие им одеялами. А двое или трое в разных углах барака сели на края своих лежанок, спустив на пол босые ноги и бессмысленно таращась на мастера Бартуса так, точно видели его впервые. Выждав в воспитательных, как он это обыкновенно объяснял, целях несколько мгновений и так не получив должного отклика на свое появление, мастер Бартус набрал в легкие побольше воздуха и заорал оглушительным басом:

– Поднимайтесь, парни! Побери вас всех черная оспа и все ее подружки!

С этими словами он решительно двинулся по проходу между лежанками, на ходу сбрасывая со спящих мальчиков куртки прямо на земляной пол.

В это время Кэвин, уже одетый, сидел на своей лежанке, засовывая окоченевшие ступни ног в кожаные сапоги на тонкой подошве, совсем не дававшие защиты от холода. Прodelывая эту нехитрую операцию, он каждый раз мечтательно думал о том, как прекрасно было бы приобрести на Хламсвале волшебные стельки, которые пекла старушка Марра Тик. Говорят, раньше она служила кухаркой у Доктора мага и умела готовить совершенно чудесные вещи и волшебные блюда. Стельки ее приготовления оставались всегда горячими, как только что вынутые из печи плюшки. С ними никакие морозы были не страшны.

Проходя мимо Кэвина, мастер Бартус вдруг замешкался и, прищурившись, внимательно посмотрел на мальчика. Потом хмыкнул, вероятно, каким-то своим мыслям и хлопнул его по плечу.

– Похоже, Кэв, тебе придется сегодня прогуляться в город, – произнес он. – Да, похоже на то.

И с прежней стремительностью зашагал дальше. Кэвин глядел ему вслед, ничего не понимая. В этом месяце он уже ходил к Доктору магу. К тому же, судя по ломоте в костях, сегодня разыграется нешуточная метель, а ему вовсе не хотелось брести по снегу в такую погоду. Тем более что маленькие прачки из соседней деревушки, навещавшие бараки рудокопов раз в месяц по приглашению мастера Бартуса, были здесь на прошлой неделе и испугано болтали что-то про стаю волков-оборотней, промышлявшую на Икрис-кииме, как на всеобщем языке именовалась Каменистая пустошь у Королевских копий. Кэвин тогда не прислушался, посчитав эти рассказы всегдашней девчачьей болтовней. Но сейчас вдруг вспомнил о них, и ему стало не по себе. Из дальнего угла барака раздался сердитый голос мастера:

– Вставайте, дармоеды! Мое внимание дорого будет стоить таким безалаберцам!

Кэвин улыбнулся. Мастер пустил в ход любимое слово. Правда, новичкам это не сулило ничего хорошего. Тут же послышался звучный шлепок и глухой удар. Это кого-то из новеньких сбросили на пол вместо куртки за упрямое нежелание подниматься. В проходе появилась «разъяренная» фигура мастера. Он размашистым шагом направился к выходу, употребляя любимое словцо во всех мыслимых вариациях. Там он остановился, с силой захлопнул дверь. Через нее за время побудки успел пробраться ледяной ветер, закруживший по полу ветхого строения снежную пыль вперемешку с бурыми листьями кустарника, ложившимися на утоптанную землю причудливым узором.

– Что ж парни, вашего отца родного не так-то легко пронять, как вам кажется, – вдруг смягчился Бартус.

С его лица исчезли красные пятна, их появление предвещало провинившимся настоящую трепку.

– Отец Бом знает, как вам неохота выползать наружу в такую смрадную погоду.

Мастер терпеть не мог глупого имени, данного ему родителями. Считал, они так невзлюбили его с самого рождения, что решили наказать на всю жизнь. И если уж он сам назвал себя так, значит, ему действительно было жаль своих работников. Его подопечные это знали, и потому ласковые слова мастера подействовали сильнее, чем былой гнев. Спустя несколько минут возле него, как и каждое утро, выстроилась нестройная шеренга зевающих рудокопов.

Одни совсем проснулись и сладко предвкушали завтрак, другие спросонья натягивали на себя широкополые шляпы с низко опущенными тульями, служившие защитными шлемами. Мастер Бартус, поморщившись, вздохнул, глядя на свою унылую команду, и отправился проверять свечные фонарики на шляпах мальчиков. Покончив с этим, он снова осмотрел подравнявшуюся шеренгу и опять вздохнул, но уже с удовлетворением.

– Через минуту жду вас на кухне, – довольно произнес он и, услышав легкий шепот, пролетевший по ряду, грозно добавил: – И проверю, чтобы лица у всех сияли чистотой, как бляха у меня на ремне. Любой, кто посмеет предьявить мне свою наглую *физиономию*, – тут мастер довольно хмыкнул, как бывало всегда, когда ему удавалось употребить какое-нибудь мудреное слово, – я хочу сказать, в совершенно грязном виде, тот прямиком отправится на работу без еды.

Он оглядел работников, чтобы убедиться, что его угроза произвела должное впечатление.

– Старшим сегодня назначаю Барута.

Это был новичок на руднике, о чем явно свидетельствовала его все еще плотная фигура. Похоже, сегодня он попал в число тех, кого мастер разбудил, сбросив на земляной пол. Мальчик сделал неуверенный шаг из конца вереницы, испуганно хлопая глазами.

– Да, Барут, будешь сегодня старшим. Пожалуй, тебе пора позаботиться о фигуре и начать поменьше жрать, – расхохотался мастер Бартус, довольный своей удачной шуткой, под дружный смех маленьких рудокопов. – Подойди сюда, не бойся, мелочь пузатая, – продолжал он, рассчитывая насмешками продемонстрировать свое чувство юмора во всем великолепии.

Его подопечные захихикали, а Барут, покрасневший до кончиков ушей, неловко засеменил к мастеру, словно ему действительно было тяжело передвигаться из-за своего веса.

– Так, Барут, – пробасил отец Бом, склоняясь над ним, отчего мальчуган совсем смутился и усталился в пол. – Это почетная должность, – значительно произнес он. – Ты будешь отвечать за всех. Чтобы все работали, как следует. Но результат мы узнаем, когда будет сдана норма за день. А вечером все должны вернуться домой невредимыми, без увечий. Это уж я сам проверю. Ты понял? – гаркнул он в самое ухо Барута, прикрытое полями шляпы.

Барут, то ли от испуга, то ли от свалившейся на него ответственности, а может, от того и другого сразу, втянул голову в плечи так, что стал похож на диковинный гриб.

– Я тебя спрашиваю, пузан! – встряхнув мальчугана за плечи и понизив голос, повторил мастер.

– Пузан! Пузан! – послышались одобрительные выкрики со всех сторон.

На руднике работники обращались друг к другу только по прозвищам, именами пользовался лишь мастер. И для новичка его присвоение было очень важным событием. Если прозвище оказывалось обидным, он так и жил с ним до конца жизни, даже если ему удавалось выбраться отсюда.

Мастер Бартус оглядел шушукающуюся шеренгу, и под его взглядом ропот улегся.

– Я пытаюсь втолковать тебе главное, – продолжил он, положив руку на плечо перепуганному Баруту. – Вечером на отбое их, – он сделал широкий жест в сторону шеренги, – должно быть ровно столько, сколько сейчас. И у каждого из них должно быть две ноги, две руки и уши и нос на месте, – загибая пальцы, закончил мастер.

По ряду снова прокатился смех.

– Ах да, забыл, пара глаз у каждого тоже должна быть. Твоя основная задача, запомни.

Он строго взглянул на одного особо развеселившегося рудокопа.

– А то когда Топит был за старшего, Мирт остался без кончика мизинца.

Смеющийся мальчик тут же осекся.

– И я хочу вселить в тебя и в таких недоумков, как Топит, понимание, что раз человеку положено иметь по пять пальцев на каждой руке, значит ни один из них не лишний, даже если кто-то из вас не умеет им пользоваться.

После этих слов мастер повернулся к двери и распахнул ее, отчего барак тут же наполнился морозным воздухом, и юные рудокопы почувствовали, как их уши начинают неметь. На пороге мастер вдруг остановился, пропуская шеренгу вперед, подбадривая маленьких рабочих легкими тычками в спину. Мальчики, опустив головы и слегка сторбившись от холода, друг за другом выбирались наружу, пока очередь не дошла до Кэвина. Его мастер не хлопнул по спине, как прочих, а остановил, крепко взяв за плечи.

– А ты, парень, стой. Ты идешь со мной.

Кэвин поднял на него глаза.

– У меня к тебе серьезное дело, – строго произнес Бартус.

Он оттолкнул Кэвина в сторону, чтобы тот не мешал выходить прочим.

Когда они остались одни, мастер сказал:

– Отправишься к Доктору магу. Не знаю, к чему уж такая срочность. Прошел слух, что к нему явились братья-книжники из Заречья². Не слышал я, чтобы те интересовались драгоценными камешками, – он довольно вздохнул, произнеся «интересовались», и продолжал серьезно: – Думаю, не к добру все это, – теперь мастер адресовался к самому себе. – Чтобы книжники да выбрались в такой далекий путь, да в такой холод без особого повода. Ой, вряд ли, – тут он снова обратился к Кэвину: – Ну да ладно. Чего зря языком молоть, может и не будет от этого вреда. Я тут посчитал... – он закатил глаза, будто в напряженном раздумье. – Восемь часов пути тебе по хорошей погоде туда и обратно, а сейчас это часов в шестнадцать встанет. Вернешься завтра, – он положил мальчику руки на плечи, глядя на него в упор. – Ты не торопись, как выйдет, так и возвратишься. Главное, не сгинуть в такую пору. И вот еще что, я тут предупредил, чтобы завтра никто почем зря не палил по сторонам во всякое зверье, – довольный своей предусмотрительностью, закончил мастер Бартус.

Кэвин удивленно взглянул на него. Мастер поморщился, обиженный его недогадливостью.

– Это на тот случай, если колдуны-книжники тебя превратят в тварь какую-нибудь.

Мальчик вдруг заметил в глазах мастера слезы.

– Ты же мой любимец, – объяснил тот, моргая, стараясь взять себя в руки. – Ты тут самый смысленный, я надеялся вывести тебя в люди, оставить своей заменой... – и, думая, что испугал Кэвина мрачными предсказаниями, спешно добавил: – Так и станет, если ты будешь достаточно осторожным. Достаточно, – не удержавшись, вслух повторил мастер «умное» слово. – Будешь осторожным и вернешься домой. Только, знаешь, книжников одурачить даже у тебя ума не хватит. Я тут придумал одну хитрость.

Он выудил из кармана куртки кусок веревки, окрашенный в зеленый цвет.

– Если поймешь, что дело плохо, повяжешь на шею. Даже если тебя заколдуют, и одежда уже в пору не будет, веревка на шее останется. Придешь домой, я о тебе позабочусь.

Кэвин вздрогнул от произнесенного во второй раз слова «дом». Рудник никогда не казался ему домом. Он, конечно, не знал, что такое дом на самом деле, но после посещения родни Маклуса понял, это место, куда хочется возвращаться. Теперь же все время, пока мастер говорил, он размышлял о своем будущем. Вместе с предположением Бартуса о том, что Кэвин может не вернуться, жизнь вновь обрела давно утраченный смысл. Он решил для себя, что

² Обобщающее название области на северо-западе Северверна.

не возвратится назад ни в зверином обличье, ни в каком другом, если только ему представится такая возможность. Однако повторно произнесенное мастером слово «дом» возвернуло его к реальности. Кэвин посмотрел Бартусу в глаза, запоздало пытаясь вникнуть в смысл сказанного. Тут неожиданно лицо мастера осветилось довольной улыбкой.

– Что мы соображаем? Ты наверняка заметишь не успеешь, как превратишься, так что нужно повязать веревку прямо сейчас.

И не успел Кэвин опомниться, как мастер Бартус накинул ему на шею веревку и не туго завязал ее двойным узлом. Затем критически оглядел мальчика и недовольно почесал лоб.

– Хе! Это если в собаку там или волка еще сойдет, а если, к примеру, в голубя... тьфу ты, терпеть не могу эту бестолковую птицу! – и тут же спохватившись, добавил: – Но мое слово крепко, ты, парень, и в таком случае всегда можешь рассчитывать на миску пшена. Хотя, побереги тебя черная оспа и все ее сестрички, вряд ли ты переживешь такое унижение. В голубя! – и мастер посмотрел на Кэвина с таким ужасом, точно перед ним уже хлопала крыльями маленькая сизая птица.

С этими словами он потуже затянул узлы, так что Кэвин схватился было за веревку, чтобы сдернуть с шеи.

– Не дури, – строго остановил его мастер. – Да, дам тебе своего Элина. Так быстрее будет, – он обиженно оглядел мальчика. – Я все говорю, а у тебя ни словечка теплого для отца названного не нашлось.

– Простите, мастер Бартус, я не знаю, что сказать, – смущенно выдавил Кэвин.

– Ну да ладно, обернешься, тогда поговорим, – вздохнул мастер и на мгновение прижал мальчика к себе.

Кэвин поежился от столь нежданной ласки.

– Завтракать тебе не придется, а то засветло не доберешься. Дни короткие, – все еще наставлял мастер. – Я велел кухарке завернуть тебе с собой. Мой оседланный конь ждет у ворот, а сверток с едой я собственными руками накрепко привязал к седлу веревкой.

Они вышли во двор, по которому кружила метель. Проваливаясь в наметенные за ночь сугробы, добрались до коновязи. Там, переступая с ноги на ногу, стоял красавец-конь мастера. Его лоснящаяся угольной чернотой шкура причудливо выделялась на фоне нетронутого снега. Он был великолепен. Когда Кэвин увидел коня, сердце мальчика дрогнуло предчувствием чего-то необычайно хорошего. Прежде чем забраться в седло, он замер в смущении перед таким чудом. Конь, радуясь появлению хозяина, встрепенулся, исполняя одному ему известный танец.

– Ну-ну, друг, хватит суетиться, – мастер Бартус провел ладонью по шее скакуна. – Ты возьмешь этого парня и вернешь его мне целым и невредимым, – ласково, но твердо сказал он, продолжая гладить конскую шею.

Заметив восхищенный взгляд Кэвина, мастер не удержался от похвальбы.

– Его подарил мне сам Доктор маг, – гордо заявил он. – И почему-то очень смеялся, когда я назвал его Элином. Ну да ладно, час поздний, тебе пора ехать.

Кэвин послушно взялся за луку седла.

– Подожди, – остановил его мастер.

Он быстро направился в сторону своей хибары. И скоро вернулся обратно, в то время как Кэвин все больше увлекался мыслями о предстоящем путешествии. В руках у мастера была доха на волчьем меху и шерстяная шапка-шлем.

– Это вещи моего сына, – пояснил он Кэвину.

Тут же стащил с мальчика худую куртку и накинул доху ему на плечи.

– Надевай, в ней точно от холода не умрешь.

Кэвин сунул руки в рукава и погрузился в жаркое тепло волчьей шкуры. Затем снял шляпу и надел шапку.

– Вот и ладно, – довольно заявил мастер Бартус и побрел к воротам.

Мгновенье спустя Кэвин проворно вскочил в седло, и перед ним распахнулись ворота рудника.

– Мы с тобой отправимся далеко-далеко, – шепнул он дрогнувшему от прикосновения непривычного седока коню.

Со следующим вдохом Кэвин очутился за воротами. Перед ним, насколько хватало глаз, расстилалась покрытая глубоким снегом Икрис-киима. На краю ее чернела шапками сосен Древняя чащоба, на всеобщем языке именуемая Керхорном. Остаток Исполинского леса Ир-Керхорна, некогда покрывавшего всю центральную часть материка. Частью вырубленный и выжженный людьми, он теперь представлял собой несколько древних лесов в разных концах Северверна.

Начало дороги от рудника к чащобе было расчищено, Кэвин пришпорил коня.

Глава 3. Попутчик поневоле

Ворота лязгнули за ним, словно сомкнувшаяся волчья пасть. Кэвин вздрогнул, как всегда, когда слышал этот звук, но сердце его переполнилось необъяснимой радостью. Они уже одолели полпути до Керхорна, когда расчищенный участок дороги закончился, а снег повалил гуще. Снежинки крошечными стрелами слепили глаза. Кэвин пригнулся к лошадиной холке, почти прижался к ней. Ему приходилось часто зажмуриваться, а когда он на мгновение размыкал ресницы, видел, как ровно его скакун ступает тонкими ногами по глубокому снегу, не увязая в нем. Элин шел иноходью, с легкостью отыскивая путь в метельной дымке. В конце концов, Кэвин успокоился, целиком доверившись чутью своего четвероногого спутника.

У края чащобы конь тревожно встрепенулся, на мгновение замедлил шаг, а потом вдруг пустился рысью. Мальчик прислушался, уловив в морозной тишине эхо далеких голосов. Похоже, каким-то охотникам не повезло заблудиться в лесу. Кроны деревьев накрыли их от метели своим спасительным пологом. Кэвин выпрямился в седле, продолжая вслушиваться. Крики становились ближе, холодея от ужаса, юный путешественник понял, что крестьяне соседней деревни гонят волков.

Тут же мысли Кэвина вновь вернулись к рассказам маленьких прачек о волках-оборотнях. Тогда он все прослушал и теперь не мог вспомнить, чем эти самые волки отличаются от обыкновенных. Полузнание всегда порождает страх. Сердце мальчишки застучало сильнее, Элин как будто уловил его мысли и ускорил бег. Кэвин так испугался, что вовсе не мог управлять конем и поэтому не тронул поводья, когда тот прынул в сторону от знакомой дороги. Там снег был скакуну почти по брюхо, он тяжело проваливался в него и с усилием вытаскивал ноги каждый раз, когда нужно было сделать шаг. Кэвин, все еще смертельно напуганный, безвольно прильнул к конской шее. Элин задыхался и громко отфыркивался, выпуская из ноздрей облака пара. Затем он так же внезапно выбрался на тропинку, тонкой змейкой струившуюся между сосен. Звуки голосов отдалились. Всадник и конь немного успокоились. Элин перешел на шаг и, фыркая, затрусил по одному ему ведомому маршруту в глубину Керхорна. Кэвин осмотрелся. Он не узнавал окрестности и скоро догадался, что они заблудились. Однако ему вновь ничего не оставалось, кроме как положиться на мудрость коня.

Мастер Бартус каждый раз, снаряжая его в город верхом, говорил: «Заблудишься – не пугай скотину своим страхом, ложись на ее чутье. Добрый конь всегда найдет путь к теплу».

Мальчику снова представилась возможность оценить выносливость своего скакуна, когда тот, отдохнув прямо на ходу, опять прынул рысью. В лесу было тепло, снег почти не падал, задерживаясь в кронах деревьев. Отголоски охоты совсем стихли, когда Кэвин, следивший за крестиками вороньих тропок, пересекавших их путь во всех направлениях, вздрогнул, почувствовав на себе чей-то взгляд. Он, впервые с момента их бегства с дороги в чашу леса, тронул поводья. Но Элин, отказываясь повиноваться, не ускорил шаг и продолжал бежать по тропе мерной рысью. Спустя некоторое время ощущение слежки пропало. Кэвин решил, раз его чуткий «спутник» ничего не замечает, значит, это просто зайцы таращатся из-за кустов от изумления, встретив в таком глухом месте человека. Тропа делалась все шире, выводя к середине Древней чащобы. И тут, когда он совсем успокоился, от ствола черневшей среди сосен одинокой ели отделилось какое-то существо и решительно преградило им путь. Всадник не успел ничего понять и едва не свалился с седла, когда Элин резко прынул в сторону и, пронзительно заржав, встал на дыбы.

На этот раз Кэвин не растерялся, ослабив поводья, положил ладонь на шею коню, чтобы успокоить. Тот покружил немного на месте, переступая с ноги на ногу, затем угомонился и усталился на прищельца угольками круглых глаз. Кэвин тоже присмотрелся к нему. На тропе

стоял маленький тощий человек, по какому-то странному совпадению, тоже в волчьей дохе. Но незнакомцу она была явно не по росту и укрывала его худую фигуру почти до щиколоток. Узкое лицо с резко очерченными, высоко поднятыми острыми скулами и маленькими, запавшими в синеву век карими глазами. Он подождал, пока конь мальчика уймется, и направился к ним.

– Ты, похоже, в Иген³? – спросил человек хриплым от мороза голосом вместо приветствия.

Кэвин смутился.

– Похоже, так, – только и смог выдавить в ответ.

– Вот уж не думал, что найду себе в такой глухомани попутчика, – усмехнулся его собеседник.

Кэвин рассердился и оттого стал смелее.

– Мы едем вдвоем, – отрезал он, пресекая намерение незнакомца навязать свое общество.

– Ну, я не стал бы так полагаться на твоего длинномордого, – снова усмехнулся незнакомец и добавил: – Это мы их так называем.

Кэвину хотелось спросить, кто это «мы», но он не осмелился. Он вообще не умел вести разговоры. За свою жизнь Кэвин привык, что с ним разговаривают только по делу, и ему ни разу не доводилось участвовать в пространных беседах, тем более с незнакомцами. Он так и не отважился поинтересоваться и лишь пожал плечами, чтобы заполнить паузу.

– Ну что, возьмешь в седло или так и будем здесь мерзнуть? – прерывая его раздумья, без стеснения предположил путник.

– А куда вам нужно? – решился осведомиться Кэвин.

– Триста пятьдесят шагов от городских ворот.

У Кэвина даже голова закружилась от растерянности.

– Что это значит? Я что-то не припомню, чтобы шагами меряли расстояния, – с сомнением переспросил Кэвин.

– Это мы так считаем, – внимательно вглядываясь в его лицо, точно ожидая какой-то ответной реакции, произнес незнакомец.

Кэвин опять не посмел спросить, кем были эти таинственные «мы». Похоже, незнакомец убедился в тактичности Кэвина, его взгляд утратил цепкость и стал доброжелательным.

– Что ж, если тебе так важно знать, кого ты посадишь в седло, меня зовут Гат.

– Как? – потрясенно переспросил Кэвин.

– Ну, это имя неплохое, – улыбнулся незнакомец, обнажив белоснежные зубы. – По моему мнению, гораздо лучше, чем другие имена, вроде Полутвари, например.

Кэвин поежился и осторожно заметил:

– Ну и имена у вас в ходу. Чтобы так называть своих детей, как же их нужно ненавидеть. Незнакомец расхохотался.

– Это не мы, это нам такие имена дают. Мы-то и без них неплохо обошлись, будь наша воля...

Он замолчал, словно передумал досказывать свою мысль. Сбитый с толку диковинными речами незнакомца, Кэвин не нашел, что ответить, только кивнул ему на место за своей спиной.

– Спасибо, – вежливо сказал попутчик и как будто не шагнул, а пошатнулся в его сторону.

Потом он неловко устроился за спиной Кэвина. Элин возмущенно взбрыкнул, но утих и, повинувшись поводам, не спеша тронулся в путь.

Незнакомец обхватил поясицу Кэвина одной рукой и прижался к его спине. Мальчик чувствовал легкую дрожь, то и дело пробегающую по телу попутчика, и встревожился. Тот завел беседу, будто заговаривая беспокойство Кэвина.

³ Торговый и административный центр южной провинции Сваль-соля – королевства людей Уольвиг.

– Ты часто едешь в город этим путем? Что-то я тебя здесь раньше не видел? – спросил он мальчика в самое ухо.

– Я никогда здесь раньше не бывал. Я всегда путешествовал Большой тропой, а сегодня услышал охоту и решил ехать здесь.

– Ты врешь, – резко произнес незнакомец. – Эту тропу только зверь знает. Твой длинно-мордый тебя сюда привел.

– Ну да, – испуганно подтвердил Кэвин.

Незнакомец тут же смягчился.

– Значит, ты тоже слышал охоту? – переспросил он примирительным тоном. – Как думаешь, на кого вздумали охотиться в такую пору?

Кэвин сразу забыл об осторожности. Любопытство взяло верх над всеми страхами, и он собрался поделиться с попутчиком мучившими его с самого утра мыслями.

– Говорят, на Икрис-кииме появились волки-оборотни, – возбужденно начал он. – Может, это на них охотились.

– А-а-а, – протянул незнакомец. – А ты знаешь, кто они такие? – с живым интересом спросил он.

– Не знаю, – вздохнул Кэвин. – Но что-то очень страшное, кажется.

Гат во второй раз с момента их знакомства громко расхохотался, пугая Элина.

– Кто тебе это сказал? – отсмеявшись, спросил он.

– Маленькие прачки, – признался Кэвин.

– Маленькие прачки – визгливые мелкие существа, – оборвал его собеседник. – Я бы не стал верить всему, что они говорят. По навету одной из них недавно забили трехмесячного волчонка. Она прибежала в деревню с криками, что он хотел загрызть ее насмерть, а малыш просто уснул возле колодца. И деревенские мужики забили его там, на глазах матери. Она потеряла сына, а когда нашла, уже ничем не могла помочь.

После этого незнакомец надолго смолк, пока в голове у Кэвина «барахтались», путаясь друг с другом, мысли.

– А ты зачем в город? – прервал долгую паузу попутчик.

– К Доктору магу, – ответил Кэвин и тут же отругал себя за излишнюю болтливость.

– Да, – неопределенно протянул его собеседник. – Слышал я, к нему книжники приехали. Кэвин удивился подобной осведомленности.

– Да, вроде того, – осторожно предположил он.

– А ты, я вижу, парень не особо разговорчивый, отвечаешь, словно на болоте тропу нащупываешь.

Кэвин смущенно улыбнулся и покраснел, зная, что незнакомец, сидя у него за спиной, ничего не заметит.

– Ну да ладно, – вздохнул тот. – Я просто хотел немного тебя развлечь в пути.

Слова эти показались юному путешественнику притворными, его не отпускало ощущение, что попутчик пытается вызнать у него что-то, и беседа стала в тягость. Но его опасения были напрасными. Собеседник вдруг притих и навалился на него жаркой тяжестью своего тела. Кэвин был так поражен состоявшимся между ними разговором, что не отваживался ни прервать молчание, ни даже обернуться и взглянуть, что с попутчиком. Погрузившись в свои мысли, мальчик не заметил, как осталась позади опушка, и они пересекли Керхорн. Скоро дорога вывела их к восточной кромке чащобы, и перед ними открылась Вис-ольн, как на всеобщем языке именовалась Вёсельная долина. На горизонте ее уже виднелись заснеженные городские шпили. Только тогда Кэвин «вынырнул» из задумчивости, изумившись тому, что метель закончилась, а небо очистилось, заливая землю неровным светом подслеповатого зимнего солнца. Посреди долины зеркальным полотном лежала скованная льдом река Ибрин. Кэвин обрадовался, что они так ловко выбрались из Керхорна и им не придется перебираться по зале-

деневшему Ибрину на другой берег к городским воротам. Элин тоже приободрился, ощутив под ногами хорошо утопанный сотнями копыт Большой тракт, и пустился рысью к городу. Только их незванный попутчик даже не встрепенулся, безмолвно привалившись к спине мальчика. А Кэвин уже не думал о нем, радостно предвкушая завершение изнурительного путешествия. Разве что, пожалуй, ему было не очень ловко сидеть в седле, прогибаясь под тяжестью безмолвной ноши. Правда, незнакомец согрел мальчика, и тот скоро смирился с его молчаливым присутствием.

С закатом очертания городских ворот отчетливо проступили на фоне заснеженных стен Игена. Тут Кэвин задумался, когда же до них будет триста пятьдесят шагов и стоит ли будить незнакомца. Потревожить спутника он так и не осмелился. Когда они подъехали к городу, ворота оказались почему-то наглухо заперты. Кэвин уже хотел спешиться, но тут приоткрылось караульное окошко, и в нем показалось хмурое лицо часового.

– Какого рода-племени? Живее выворачивай карманы и представляйся! – нелюбезно командовал он.

– Я посыльный мастера Бартуса, из Королевских копий. К Доктору магу! – испуганно выпалил Кэвин.

Часовой прищурился и хмыкнул.

– Выворачивай карманы, тебе говорят. Да поживее! А то так и останешься за воротами к ночи, – раздраженно пояснил он.

– Да нет у меня ничего в карманах. Я же сказал, я к Доктору магу, – пугаясь еще больше, ответил Кэвин.

– А что это у тебя за спиной рука болтается? Лишняя, что ли? – рассердился охранник.

Кэвин пошевелился, пытаясь разбудить попутчика. Но тот будто и не спал вовсе, вдруг, ухватившись одной рукой за плечо мальчика, ловко соскользнул с коня и кинулся прочь. Тотчас завизжали лебедки, ворота начали размыкаться, и едва в них появился просвет, через него протиснулся часовой, допрашивавший Кэвина, и бросился было вдогонку за незнакомцем, однако вскоре вернулся ни с чем. Его лицо «горело» гневным румянцем. Он остановился рядом с Элином и, схватив Кэвина за ремень, опоясывавший доху, рывком стянул с седла в снег. Элин возмущено фыркнул и встал на дыбы. Кэвин успел уцепиться за поводья, в то время как часовой схватил его за шиворот. Они молча боролись, пока не подоспел другой охранник.

– Ну что, поймал? – поинтересовался он у своего напарника.

– Куда там! – раздосадовано хмыкнул обидчик Кэвина. – Все из-за этого прохвоста.

– Я – не прохвост! – возмутился Кэвин. – Я ничего не сделал! Отпустите меня!

– Как же! – довольно усмехнулся первый стражник, продолжая держать его за шиворот. – Привел неизвестно кого, хотел в город доставить, а теперь отпираешься? – гаркнул он самое ухо Кэвина.

– Я никого не приводил. Да он и не в город ехал. Заснул просто, а я его позабыл разбудить.

Кэвин покраснел и опустил глаза, как всегда, когда говорил неправду.

– Ишь ты! И скажешь, не знал, что город закрыт и никого впускать не велено? – тряся мальчика как яблоню по осени, язвительно поинтересовался часовой.

У Кэвина округлились глаза от удивления.

– Закрыт? – выдохнул он.

Второй часовой внимательно разглядывал его.

– Похоже, Див, ему и вправду ничего не ведомо, – сказал он напарнику. – Так что, парень, придется тебе возвращаться назад. Разве что разрешить тебе переночевать в караулке, – обратился он к мальчику. – А в город пока тебе не попасть, приказ Доктора мага.

– Вот леший! – обернулся к часовому Див. – Так он говорит, его прислал мастер Бартус к самому Доктору магу. Он вроде бы с рудника.

– Так ты – Кэвин? – изумленно спросил часовой.

– Да, – ответил Кэвин, потрясенный тем, что его здесь могут знать.

– Его имя в списке. Как ты мог забыть? Устроил представление! – возмущенно набросился часовой на своего напарника.

– Ну да, забыл! Что теперь?! – пробурчал Див, отпуская мальчика. – Я уже двенадцать часов на морозе, ног не чую. А ты мне здесь с каким-то списком.

Кэвин, освободившись от цепкой хватки часового Дива, желал, как можно скорее покинуть это место.

– Я помогу тебе забраться в седло, – поспешил к нему на помощь второй часовой. – Не серчай на Дива, он – скоро сутки на посту, ему уже везде нечисть чудится.

– Все как будто в порядке, – вежливо ответил Кэвин и неловко улыбнулся.

– Я к тому, что хочу попросить тебя не жаловаться Доктору магу. Див – хороший парень и добрый воин. У него могут быть неприятности, – добавил часовой, понизив голос, глядя на удаляющуюся к воротам фигуру напарника.

– Да я и не собирался.

– Вот и славно, – обрадовался его собеседник.

Он проводил Кэвина за ворота и любезно раскланялся с ним на прощание. Кэвин прищипорил коня и, напоследок оглянувшись, увидел, как наблюдавший за его отъездом Див вышел из караульной будки и начал перешептываться с напарником, провожая посыльного мастера Баргуса недобрый взглядом. Кэвин направился в замок Доктора мага, теряясь в догадках, откуда и почему часовым известно его имя.

Глава 4. Книжная братия

В городе было пустынно и тихо, перестук копыт Элина гулко отдавался в узких улочках. Странное безмолвие угнетало Кэвина, и он решил сократить путь, проехав к замку через Хламсваль. Каково же было его удивление, когда они очутились у запертых ворот рынка. Кэвин в страхе прищипил коня, они стремглав промчались через весь Иген и прибыли, наконец, к замку волшебника. Возле ворот, в противоположность обычному, прогуливался, точно поджидая кого-то, старенький хромой слуга Своуи, раньше встречавший мальчика во внутреннем дворе. Возможно, по случаю ответственного поручения на его плечи была накинута подбитая мехом мантия Доктора мага. Кэвин заметил мельтешащую фигурку еще издали. Старичок сделал несколько шагов от ворот, беспокойно всматривался в сумерки Тристра-ии – Тенистой алеи на языке людей – и нервно шагнул обратно. Завидев мальчика, он остановился и напряженно ждал его приближения. Когда Кэвин спешился, первое, что услышал, было недовольное:

– Наконец-то!

Старичок махнул рукой в сторону замка и, припадая на одну ногу, спешно засеменял к распахнутым воротам.

Это были первые открытые ворота во всем городе, что насторожило Кэвина больше, чем все замкнутые на засовы двери в домах Игена, встретившиеся ему по пути. Во внутреннем дворе, возле входа в парадное помещение, провожатый, бормоча что-то невнятное себе под нос, нервно выхватил из рук Кэвина поводья, согнулся, будто для глубокого поклона, нелепо взмахнул свободной рукой в сторону каменной лестницы и, оглушительно чихнув, засеменял на конюшню. Взбежав наверх, Кэвин на секунду задержался возле больших дубовых дверей и впервые обратил внимание на рисунок на них. Он надолго врезался в память мальчика. На почерневших и лоснящихся, от перенесенных невзгод, створках из тысячи, словно нацарапанных детской рукой штрихов, собрался центральный рисунок. Длинномордый дракон с тонкой змеиной шеей держит на, высунутом из разинутой пасти, языке двух прижавшихся друг к другу близнецов. Потом картинка на глазах начала меняться и вновь превратилась в собрание хаотично разбросанных по поверхности дверей царапин. Кэвин испугано толкнул створки, но не рассчитал силу. Они всегда выглядели такими тяжелыми, однако теперь от его удара распахнулись настежь. Где-то в глубине здания тотчас с силой захлопнулись ставни окна.

– Кто там рвется? – прогремел недовольный голос. – Алеф, Гиф! Взгляните!

Пока Кэвин лихорадочно ловил разлетевшиеся створки, на этот раз действительно ставшие неподатливо тяжелыми, с каминной полки напротив тяжело спрыгнул огромный рыжий кот Алеф, любимец Доктора мага. Он знал Кэвина и снисходительно позволял иногда себя гладить, когда ему случалось проходить мимо мальчика. Кэвин всегда удивлялся странной сентиментальности грозного Доктора мага, его привязанности к коту Алефу и белому псу Гифу. Пес был столь же огромен, как и кот, с густой взъерошенной шерстью, вытянутой мордой в «черной маске» и острыми злыми глазами. Пока Кэвин отчитывался перед старым Своуи, пес обычно восседал рядом, не мигая, следил за мальчиком, отчего тот никогда не питал к нему особой симпатии. И сейчас он возник вслед за окриком хозяина, вырос белым сугробом у ног Кэвина и начал его обнюхивать, пока старый кот неспешно скользил им навстречу. Мальчик замер под щекочущим носом, прижавшись спиной к полуоткрытым дверям, и непослушные створки мгновенно сомкнулись за его спиной.

На этот раз Гиф быстро отпустил Кэвина, очевидно удовлетворенный проведенным осмотром, неспешно отошел к камину, где вздохнул, заставив мальчика невольно затрепетать, и растянулся на мозаичном каменном полу. Только тут Кэвин сумел ненадолго расслабиться и осмотреться. Напротив дверей располагался вовсе не камин, как ему сначала привиделось, а весьма внушительных размеров коридор под массивной деревянной аркой.

По коридору к нему неспешно шел Доктор маг. Кэвин никогда его прежде не видел, но с замиранием сердца догадался, что это именно он. Волшебник показался мальчику необычайно высоким. Он был одет в нечто странное, похожее на плащ, только вовсе без застежек и даже на глаз мягкое и теплое.

Будь Кэвин более сведущ в модных веяниях, он, пожалуй, додумался, что это халас⁴. А знай он об этом, без сомнения, изумился, что столь значительный человек может любить настолько простые вещи. В коридоре царил полумрак, и хотя оробевший мальчик никак не мог разглядеть лицо Доктора мага, его седина сияла снежным ореолом. Минуты, пока тот шел к Кэвину, показались мальчику разорванными на сотни мгновений, которые отсчитывало его испуганное сердце. Доктор маг прошествовал к высокому, на манер королевского трона, креслу возле внезапно возникшего на месте коридора камина. Уселся поудобнее и вытянул ноги в узконосых, подбитых мехом башмаках к самой решетке. После этого он обратился к замершему мальчику:

– Ты что застрял там, дружок?

Никто и никогда не говорил так с Кэвином. Он в ответ смущенно опустил голову и почему-то вздохнул.

– Мастер Гиф, проводите-ка нашего гостя сюда. А то, похоже, он никак не желает расстаться со стеной, – улыбнулся Доктор маг.

Кэвин и правда изо всех сил прижимался к дверям, опасаясь, что стоит ему отойти, и они тут же снова распахнутся. От замечания Доктора мага у него покраснели кончики ушей, что говорило о крайней степени волнения. К тому же он боялся любимца волшебника и с ужасом взглянул на четвероногого стража. Каково же было удивление Кэвина, когда он заметил что-то вроде симпатии в глазах пса. Мастер Гиф неторопливо поднялся, потянулся на вытянутых лапах, подошел к мальчику и ухватил его за пояс. Кэвин оторвался, наконец, от дверей и даже зажмурился, думая, что сейчас услышит скрип размыкающихся створок.

– А я не догадывался, что ты такой робкий парнишка.

Услышал он голос и только тут осмелился открыть глаза. В нерешительности оглянулся назад, но дверей там не оказалось, лишь огромное пространство Факельного зала, который он видел мельком из примыкающего к нему Арочного коридора, когда бывал в замке прежде. Зал освещался сотнями миниатюрных, мерцающих в темноте, факелов в серебряных держателях. На руднике ходили слухи, что их подарили доктору лесные эльфы⁵. Факелы были раза в три меньше обычных, но горели ярче. Поговаривали, что их хватало не на одну сотню лет.

– Мне тоже здесь нравится, – раздался голос за спиной у Кэвина.

Мальчик обернулся. Перед ним, совсем близко, сидел Доктор маг. Его лицо показалось мальчику строгим в противоположность мягкому тембру голоса. Оно было узким и, наверное, выглядело бы слегка вытянутым, если бы не утопленные в синеву впалых щек большие серые глаза под взлетающими стрелками черных бровей, над прямым тонким носом. Пожалуй, глаза и делали это лицо таким притягательным. Кэвин готов был провалиться сквозь землю от смущения, но не мог оторвать от него взгляд. На секунду ему почудилось, что он погружается в бездонное пространство глаз доктора. Кэвин с немалым усилием отвел взгляд, покраснев, опустил голову. Волшебник улыбнулся.

– Тебе пора привыкать быть смелее, – задумчиво произнес он. – Располагайся поудобней, Алев согрел тебе место. – Взмахом руки Доктор маг указал гостю на неведомо откуда взявшееся такое же высокое кресло рядом с собой.

В нем, сладко посапывая, расположился Алеф. Кэвин вовсе не хотел выглядеть перед волшебником трусом, а потому пересилил себя, поднял голову и решительно направился к пред-

⁴ Фасон, придуманный жителями юга Северверна. Богатые северяне используют халас в качестве домашней одежды.

⁵ Мифические существа, по преданиям – жители Ир-Керхорна.

ложенному месту. Там он «застрял», потому что кот отнюдь не собирался просыпаться или делать вид, крепко зажмурив глаза и в блаженстве вытянув лапы перед собой. Кэвин, несмотря на свое желание казаться смелым, не отважился потревожить кота и оглянулся на доктора.

– Алеф, освободите место нашему гостю! – прикрикнул хозяин.

Но и тогда кот лишь потянулся во сне, не желая открывать глаз.

– Сейчас же, слышите, любезный! – грозно возвысил голос волшебник.

Кэвин мгновенно представил, каким бывает Доктор маг в гневе. Тотчас вспыхнули карие глаза, кот потянулся и, шумно спрыгнув на пол, прошел мимо мальчика, обдав его жарким теплом своего тела. Только тут Кэвин понял, насколько велико предлагаемое ему сиденье. Он неловко схватился за поручни, подтянулся и вскарабкался в его согретую Алефом уютную глубину. В это время растворились двери с противоположной стороны зала и в них друг за другом вошли несколько человек в серых, подбитых мехом плащах. Двое из них были весьма почтенного возраста, и, при виде их, Кэвин вжался в кресло. Он не решался встать без позволения волшебника и не смел сидеть в их присутствии. Гости прошли вперед и остановились совсем близко. При этом они как будто совершенно не обращали внимания на мальчика или не замечали его, почтительно склонив головы перед Доктором магом и ожидая начало разговора.

– Я рад вас видеть, господа! – торжественно произнес Доктор маг.

Поднялся со своего места и почтительно раскланялся. Кэвин тут же неловко соскользнул с кресла и поклонился, как умел, чем не только обратил на себя внимание, но и вызвал дружный смех гостей и волшебника.

– Это тот мальчик, о котором вы просили, отец Вигнат, – представил его Доктор маг. – Но пока присядем и вернемся к предмету нашей тревоги.

Волшебник указал Кэвину на кресло, и тот послушно вскарабкался обратно. Через распахнутые двери вошел Своуи со стулом, поставил его перед гостями, удалился, вернулся еще с одним и продолжал сновать взад-вперед, пока не доставил последний. Только после этого гости расселись.

– Итак, начнем совет! – произнес доктор. – Король задержался в пути и скоро будет. Я думаю, есть смысл приступить без него.

Гости одобрительно закивали.

– Первое, что нам предстоит обсудить, судьба наших близнецов. И это тяжкое бремя. Король нездоров, а принцы вызывают у меня беспокойство. Вам известны обстоятельства их рождения, и потому вы не нуждаетесь в пояснениях с моей стороны. Я наблюдаю за состоянием их здоровья много лет, и все-таки у меня нет ответа на вопрос, как отвести проклятье виклондов. Потому я и пригласил вас.

Повисла долгая пауза. Кэвин «наострил» уши. Ему вдруг представилось, что он читает одну из захватывающих книг в лавчонке Хламсвала.

– Если ответ неизвестен великому мудрецу, что же могут сделать хранители книг? – прервал молчание самый старший из гостей.

– Я надеялся на ваши знания древних манускриптов. Я провел всю прошлую зиму за чтением хроник, присланных вами, дорогой отец, но так и не нашел ответ. Моя ошибка в выборе будущего короля будет стоить слишком дорого королевству людей и не только. И мне не обойтись без совета мудрых.

Старик-книжник заерзал в кресле.

– Вы знаете мое мнение, Доктор маг. Я еще до рождения братьев предупреждал, изменить предрешенное не в нашей власти. Но я преклоняюсь перед вашим выбором. Вы посягнули на судьбу. Это всегда дерзко и может принести плоды горше предначертанного. Я был при дворе нынешней осенью, на празднике урожая. И вот мое суждение о братьях. Не судите меня строго, мой друг. Они – суть одно. Разделенные в утробе, они не могут существовать друг без друга, но то болезненное, что должно было утратить свою силу, раздробленное вашим

чародейством, или вовсе исчезнуть, осталось целиком в одном из них. Я недостаточно знаю принцев и лишь слышал об их поступках, потому не могу предположить определенно, в ком из них заключено то, что мы почитаем душевной болезнью. Но могу предсказать, посадив одного из них на трон, мы положим начало вражде, которая приведет к исполнению проклятия.

– Печальное пророчество, – горько отозвался доктор. – Каков же будет ваш совет, если вы позволите себе его дать?

– Мой друг, – старец поднялся со своего места и поклонился. – Мои речи могли привести вас к мысли о моем совершеннейшем равнодушии к судьбе Уольвига. И я спешу разуверить вас. Ключ к разгадке неразрешимой на этот момент дилеммы в этом мальчике.

Тут он неожиданно повернулся и указал на Кэвина. Тот испуганно застыл в кресле. Гости с шумом обернулись в его сторону, а доктор ошеломленно поднял брови.

– Мой дорогой друг, я исполнил вашу прихоть. Вызвал из рудника этого мальчика. Но ваша шутка не кажется мне уместной, – раздраженно произнес он.

– Это вовсе не шутка, Доктор маг. Этот мальчик поможет определить, в ком из братьев живет проклятье виклондов. Он отправится ко двору и решит эту задачу. В подтверждение своих слов я почтеннейше прошу вас, мой друг, склонить свое внимание к этому документу и прочесть его.

Старик достал свиток, спешно развернул его и подал волшебнику. Кэвин с замиранием сердца следил за ним. Тот быстро пробежал взглядом содержимое свитка и поднял глаза на юного гостя. В них читалось еще большее изумление. Он встал и склонился в глубоком поклоне перед стариком. Кэвин знал, такое почтение оказывают лишь королю. Все замерли.

– Дорогой отец, как я смел сомневаться в вас?! – воскликнул волшебник, возвращаясь на свое место. – Но вы потрясли меня таким известием и подарили надежду. Что же вы предложите делать дальше? Отныне я полностью полагаюсь на вас в разрешении нашей проблемы.

– С вашего позволения, мы заберем Кэвина, – предложил старец. – Он не готов сейчас к тому, что ему предстоит исполнить. И вы напрасно ставите мне в заслугу то, что предназначено судьбой, – он улыбнулся. – Вам известно, какой я любитель вмешиваться в ход событий. Я лишь позволил себе чуть подтолкнуть колесо рока, раз время нещадно ускорило обороты и тем вселило тревогу в сердце величайшего из волшебников.

Он поклонился Доктору магу. Пока старик говорил, Кэвин в смятении держался за шнурок, заботливо повязанный на его шею мастером Бартусом, и тревожно наблюдал за жестами книжника. В голове мальчика за эти мгновения промелькнули все слухи, «принесенные» когда-то маленькими прачками о хранителях книг и их ворожбе. Он так погрузился в мысли, что не заметил пристального взгляда Доктора мага. Раздумьям Кэвина положил конец громкий смех волшебника, прервавший также и речь старца.

– Подойди-ка сюда, мальчик, – позвал он Кэвина. – Покажи, за что это ты держишься?

Кэвин медленно сполз с кресла. Возбуждение от полного событиями дня перешло в застарелую усталость, которая теперь отвоевывала свое. Он медленно приблизился к креслу доктора. Тот ловко потянулся к его шее и ухватился за веревку, да так, что она со свистом, точно живая, развязалась, свернувшись в его ладони.

– Это, как пить дать, плут Бартус повязал тебе! – расхохотался волшебник, крутя во все стороны веревку. – Взгляните, братья, сколь сильно в людях предубеждение перед наукой! Ваши знания они обращают в сплетни о черном колдовстве. Да, видно, ты тронул сердце старого скряги, раз он боялся с тобой расстаться, – обратился доктор к Кэвину и уже ровным тихим голосом добавил: – И мне, после того что я узнал, жаль потерять тебя так быстро. Что ж я обещал отцу Вигнату слушаться его. Но вот тебе мой подарок напоследок.

Он снял с шеи амулет на тонкой цепочке и надел его на шею мальчика.

– Так я всегда буду знать, что с тобой. Не снимай его, как бы ни стал тебе дорог кто-либо встреченный тобой в жизни, не передаривай. Вещь любит своего хозяина, для другого же

она губительна. Запомни это. Она будет жить весь срок твоей жизни и хранить память обо всем, что ты захочешь помнить, и о том, что будешь мечтать забыть. Это память твоего сердца и любовь моего. Не робей, возвращайся на свое место, пока не закончился совет.

Кэвин, как заколдованный, вернулся к своему креслу. Амулет тяжело тянул шею, и у него закружилась голова.

– Отец Вигнат, вы воскресили во мне надежду, – вновь обратился к старику Доктор маг. – Но у нас есть еще одна беда, с ней я надеялся справиться с вашей помощью. Волки-оборотни с севера. Вы слышали о них дорогой?

– Мой друг, мы с братьями не только слышали, но и повстречали их.

Волшебник приподнялся в кресле.

– Как?

– Мы встретили Скэрла. Он сказал нам, что люди Вис-ольна нарушили Священный договор Мертвой зимы.

Кэвин знал, так называли зиму, случившуюся задолго до его рождения, когда волки перешли Ико-хольн, так на всеобщем языке именовалось Снежное озеро, и уничтожили деревни Вис-ольна до самого Керхорна. О том времени шла страшная слава.

– Скэрл поведал также, мой господин, что люди Дролета убили сына верховного вожака и ранили Гата. И теперь он скрывается, мечтая о мести.

Услышав последнюю фразу, Кэвин остолбенел. Имя недавнего попутчика окончательно «выбило его из колеи». Он пытался думать обо всем и сразу. О том, что неправдой оказались слова маленьких прачек о жестокости оборотней. Ведь Гат мог убить его, но не сделал этого. И почему Элин не учуял волка, как это только могло быть? Куда направился его попутчик теперь? От этих мыслей Кэвин совсем замучился и как ни странно, забылся смутным сном.

Глава 5. Отложенная трапеза

Открыв глаза, Кэвин сразу ощутил тепло и мягкость постели, на которой лежал. У него даже кости ныли от удовольствия. Он лежал на кровати с высокой спинкой и пологом. Отсюда был виден краешек неба в высоком стрельчатом окне напротив. Кэвину за всю его жизнь не бывало так тепло и уютно. Он вытащил руку и погладил поверхность стеганого одеяла, которым был укрыт. Ему не хотелось спать, но так приятно поваляться, не шевелясь, растянувшись под мягким одеялом, и смотреть, как ветер несет за окном стаи серо-бежевых облаков. По стене скользил отсвет огня из камина. И Кэвин зажмурил глаза от удовольствия. Он совсем не удивился странной перемене в своей жизни, как привык раньше не удивляться ничему дурному. Только долго понежиться ему не довелось.

У изголовья кровати скрипнула дверь, и кто-то легкими шагами проскользнул в комнату, загородив собой окно, так что на опущенные веки Кэвина легла тень. Он открыл глаза. Перед ним, против света, стоял парень лет пятнадцати. На фоне окна выделялись оттопыренные уши внушительного размера под взлохмаченными волосами.

Незнакомец с таким же интересом разглядывал худенькое сероглазое лицо Кэвина, неловко запрокинутое на подушку, точно его обладатель впервые спал в настоящей кровати и не знал, как с ней обращаться. Волосы пепельно-серого цвета, не то от природы, не то от грязи (спящего Кэвина отнесли с совета прямо в спальню) разметались в разные стороны. Самым странным в его облике было как будто бы полное отсутствие щек – скулы обрывались глубокими впадинами к подбородку. И пареньку, разглядывавшему Кэвина, почудилось, он впервые в жизни видит столь изможденное лицо. Лишь глаза на нем казались живыми и горели каким-то тревожным возбуждением. Незнакомец потоптался в нерешительности.

– Ты – Кэвин? – спросил он, наконец, чтобы начать разговор, потому что ответ ему заранее был известен.

Кэвин приподнялся и сразу почувствовал, как заняло все тело, расслабленное непривычным отдыхом. Он облокотился на подушку, не решаясь сесть. Его собеседник с испугом наблюдал за ним.

– Я – Смарт.

Он протянул Кэвину руку. Кэвин застыл от изумления. Смарт-колдун из Бренхема был его любимым книжным персонажем. У него даже голова закружилась от волнения. Он внимательно всмотрелся в лицо своего гостя. Ведь в книге у Смarta были большие лисьи уши, которыми он мог слышать мысли людей. Гость смущенно хихикнул.

– Ты что так уставился, дохлик? Пора вставать, Доктор маг не любит, когда опаздывают к трапезе, и отец Вигнат велел нам поторопиться.

Кэвин тут же отвлекся от своих мыслей. И неуверенно обратился к знакомцу, который в это время сосредоточенно вытирал о край рубашки руку, за которую мальчик так с ним и не поздоровался.

– А король приезжал на совет? – неожиданно для себя спросил Кэвин.

– Король?! Ишь ты! Хотел короля увидеть? – рассмеялся Смарт. – Да, был. Только сразу уехал поутру. Ты спал. Тебя было не добудиться. Доктор маг еще вчера желал с тобой поговорить, да только ты дрых, как сурок. Похоже, ты – важная птица, раз сам доктор тобой интересуется.

Кэвин потрясенно спросил:

– Сколько же я спал?

– Трое суток. Да только сегодня последний срок. Уезжаем. Вот меня и послали за тобой и настрого предупредили, чтобы мы скорее явились в трапезную, потому как будить тебя реши-

лись лишь напоследок. В полдень отправляемся, а сейчас десять с половиной часов допуденного времени. Так что шевелись.

Кэвин спрыгнул с кровати и тотчас ощутил сильную слабость. На мгновение все перед ним закружилось. Он почувствовал, как Смарт крепко схватил его за плечи.

– Смотри-ка, ты еще плох, – удивился он. – Ну да ладно. Давай я тебе помогу, что ли.

– Ничего, – отстранился Кэвин.

Странная вещь, ему за всю жизнь не приходилось испытывать на себе чужую заботу, но теперь, когда кто-то отнесся к нему ласково, его это смутило и даже задело.

– Ну, как знаешь.

Смарт посмотрел на него внимательно.

– Только поторопись, нам пора, – он прислушался. – В трапезной уже тарелки расставляют, через четверть часа с меня за тебя голову снимут.

Кэвин тоже прислушался, но ничего не услышал.

– Ты что, шутишь? – осмелел он. – По-моему, ничего такого не слышно.

– Чудак да и только! – рассмеялся Смарт, обнажив улыбку во все тридцать два длинных, словно даже и не человеческих зуба.

Кэвин взглянул на него смущенно. Уж очень нелепо выглядело в этот момент лицо его собеседника.

– Я слышу многое, о чем ты и не догадываешься, – продолжал зубоскалить тот.

– И мысли слышишь? – задал вдруг Кэвин вопрос, что мучил его с самого начала, но который он стеснялся спросить.

Смарт сразу посерьезнел.

– Нет. Мысли – нет. Да и к чему это? Несчастливым человеком будет тот, кто научится слышать чужие мысли. Мало ли что можно узнать. Ты давай, не спрашивай, а одевайся скорей.

Кэвин растерянно огляделся, сердясь на нового знакомого, мол, подгоняет, а где она, одежда, ищи-свищи. Смарт перехватил его взгляд и всполошился.

– Забыл совсем, голова садовая! – с чувством выругал он себя.

Приотворил дверь и звонко хлопнул в ладоши. За дверью раздался шорох, и в проем просунулись две руки. У Кэвина мурашки побежали по спине. Они выглядели так, будто существуют сами по себе, а стоит заглянуть в коридор, окажется, что они растут из воздуха. Одна рука держала холщовый мешок, другая, деловито хрустнув пальцами, юркнула в него и, пошарив там, извлекла аккуратно сложенную одежду. На первый взгляд это были штаны и куртка.

– Спасибо, Ария! – от души поблагодарил Смарт странное создание.

Левая рука чуть потянулась ему навстречу, и они обменялись крепким рукопожатием. Затем диковинное существо исчезло, предупредительно прикрыв за собой дверь, после чего раздался легкий шорох быстрых удаляющихся шагов. Кэвин, ошарашено наблюдавший за этим необычным явлением, вопросительно взглянул на Смarta. Но тот был так озабочен своей непредусмотрительностью, что совсем растерял прежнюю веселость.

– Скорей, скорей, малыш! Шевелись! – слегка раздраженно скомандовал он Кэвину, протягивая ему одежду.

– Не зови меня так, – поморщился тот в ответ и добавил из вежливости: – Меня так никто не называет.

Узкое лицо Смarta вновь расплылось в улыбке.

– А как же тебя величают, позволь узнать? Я обещаю называть тебя тем же именем.

Кэвин опять смутился. Он никогда не слышал, чтобы люди разговаривали на таком книжном языке.

– Смышленьш, так меня прозвали ребята на руднике, – он опустил глаза и залился краской.

– Нет, ты не шутишь?! – развеселился Смарт. – Кто же тебя так прозвал и за что?

– Мастер Бартус. Он у нас часто новичкам имена дает.

– Ну, такое, положим, еще оправдать нужно. Надеюсь, ваш старик не ошибается с прозвищами. Ты одевайся, одевайся живее, Смышленьш. Я больше не буду тебя отвлекать.

Кэвин принялся торопливо натягивать штаны и одновременно раздумывать над новым словом, что бы оно значило, это «отвлекать». На всякий случай стоило поторопиться. Смарт же присел у камина в ногах кровати, а на соседней стене прилегла его тень. Он время от времени озабоченно вздыхал, и тень вздрагивала. Кэвин натягивал рубашку и наслаждался. Его новая одежда: и штаны и рубашка – были легкие, но вместе с тем теплые и мягкие. Кэвину никогда не приходилось носить ничего подобного. Он совсем было углубился в приятные ощущения, как вдруг уловил странный шум. Кэвин вздрогнул и поднял голову. На окне сидел большой ворон. Птица свесила голову набок и внимательно осмотрелась. Раздался скрип. Кэвин обернулся. Это Смарт подвинул кресло поближе к окну.

– Привет тебе, славный господин Дорн, – ласково обратился он к гостю.

– Привет и тебе, добрый Смарт, – ответила птица.

Кэвин потрясенно наблюдал за ними. Он, конечно, слышал о говорящих животных, но считал эти рассказы – сказками, однако сейчас, казалось, птица не просто откликнулась на вопрос Смarta, а сделала это вполне осмысленно. В свою очередь, крылатый гость тоже заметил пристальное внимание Кэвина, бросив в его сторону, как почудилось мальчику, не слишком-то дружелюбный взгляд, вновь обратился к Смарту:

– Наш добрый брат Вигнат просил меня узнать, в чем причина задержки вашего появления в трапезном зале? – степенно осведомился он.

Смарт беспокойно привстал с кресла и глянул на Кэвина, оценивая степень его готовности. Но потом, желая скрыть тревогу, шутливо обратился к своему собеседнику:

– С каких это пор славный род Гардвигов оказывает услуги книжной братии?

– С тех пор как зима усилила свою хватку на клювах моего народа, а в замке Доктора мага добрый друг Своуи начал одаривать нас щедрыми подношениями со стола своего хозяина.

– Ха-ха! – заливисто рассмеялся Смарт. – Видно, в трапезной затевается что-то невиданное, раз господин Дорн тут как тут.

Птица хладнокровно переждала взрыв веселости своего собеседника, склонив голову набок и наблюдая за происходящим за окном, в то время как Кэвин, уже одетый, внимательно следил за новыми знакомыми. Когда Смарт успокоился, ворон отвлекся от своих наблюдений и взглянул на него одним глазом. Кэвину его взгляд показался сердитым.

– Все это не так уж смешно, добрый Смарт, – мрачно произнесла птица. – С каждым днем становится все холоднее. Волки-оборотни перешли реку и опустошают Вис-ольн. В своих бесчинствах они добрались до моего народа. Два посланца рода Гардвигов были отосланы из Игена с королевской волей навстречу мятежникам и погибли от их зубов. Мне с трудом удастся удерживать мое племя от смятения. После страшных вестей о бесславной гибели наших соплеменников мало кто осмеливается оставаться на королевской службе. Холод и страх – вот истинные враги моего крылатого народа этой зимой.

Смарт поднялся с кресла и склонился в глубоком поклоне. Кэвин глядел на птицу в ужасе, он понял, что из своего маленького жутковатого, но такого понятного мирка он попал в огромный, таящий необъяснимые и непредсказуемые опасности Большой Мир.

– Прошу вас, славный господин Дорн, простить мне мою ничем не оправданную бестактность.

Выпрямившись, он растерянно оглянулся на Кэвина, словно ища подходящего предлога для завершения, ставшего неприятным, разговора.

– Ну что ж, мы как будто готовы, – обратился Смарт к господину Дорну. – Нам пора, – сконфуженно подытожил он.

– Ну, мой друг, не доверяйте случайную бестактность намерением быть невежливым со мной, – дружелюбно откликнулся господин Дорн.

Кэвину даже почудилось, что он усмехнулся, если птицы вообще способны усмехаться.

– Расскажите мне хотя бы в двух словах, ради чего братья книжники посетили Иген нынешней зимой. Зачем весь этот переполох в замке?

Похоже, он не мог дольше скрывать столь тщательно утаиваемое любопытство.

– А вы хитрец, если позволите, господин Дорн, – улыбнулся Смарт. – Признайтесь, ради этого вы и согласились исполнить просьбу отца Вигната?

Господин Дорн не успел ответить. Стены комнаты сотряс зычный звук Большого рога. Смарт и Кэвин вздрогнули, а ворон мгновенно соскользнул в пустоту неба за окном, крикнув напоследок:

– Торопитесь!

Птица бесследно растворилась в морозном воздухе утра последнего месяца зимы. Услышав звук рога в третий раз, Смарт схватил Кэвина за руку и потащил за собой. Минуту спустя они уже преодолели коридор и стремглав неслись по каменной лестнице вниз. На тридцать первой ступеньке Кэвин сбился со счета, едва поспевая за своим спутником. Лестница петляла, прижимаясь к башенным стенам, и у Кэвина от бесконечного кружения заболела голова. К тому же он задыхался и, не имея возможности вырвать свою руку из крепкой хватки Смарта, начал спотыкаться. Наконец Кэвин, громко вскрикнув, упал на одно колено. Его спутник не сразу остановился и по инерции протащил мальчика еще по нескольким ступенькам вниз. Потом замер и отпустил, наконец, Кэвина. Тот упал на оба колена и стал потирать ушибленное место.

– Что я делаю?! Побери меня оспа и все ее подружки! – хлопнул себя по лбу Смарт.

Кэвин, несмотря на боль в колене, даже улыбнулся, услышав знакомую присказку.

– Я же могу...

Он не договорил. А Кэвин с изумлением увидел, как лестница на пять ступеней ниже растворяется и превращается в мозаичный пол, одна из стен башни исчезает, и за ней возникает пространство Арочного коридора, ведущего в Трапезный зал. Из приоткрытых дверей зала в этот момент выходил невысокий старичок, чьи плечи, казалось, ссутулили прожитые годы и раздумья, одолевавшие его сейчас. Кэвин признал в нем одного из гостей с совета Доктора мага. На старичке все еще был подбитый мехом и подпоясанный плетеным из конского волоса поясом плащ, цвет его в свете факелов на стенах Арочного коридора играл всевозможными оттенками, от темно-фиолетового до солнечно-белого. Смарт, стоявший чуть впереди Кэвина, замер и вытянулся, не двигаясь с места. Кэвин так и остался сидеть на ступенях лестницы. Старец поднял на них глаза и ускорил шаг. Смарт, не оглядываясь, тронул Кэвина за плечо. Мальчик поднялся на ноги и встал рядом с ним.

– М-да, – только и произнес старец, подойдя ближе и внимательно оглядев Кэвина с ног до головы.

Кэвин опустил глаза от смущения и понял, что стало причиной сомнительного приветствия. На нем не было сапог. Куда делись старые, он не знал, а других так и не получил. От ужаса он покраснел до кончиков ушей и обернулся к Смарту за поддержкой. И словно в зеркало глянул. Смарт, круглыми от страха глазами, смотрел на голые ступни Кэвина, и уши его пылали пурпуром.

– Так, что вы скажите на это, милейший друг Смарт? – произнес старик глуховатым голосом.

Кэвин не видел его лица, но готов был биться об заклад, что тот сердился. И его догадка тут же подтвердилась.

– Как объясните то, что вы отправились будить брата Кэвина полчасика назад...

Кэвин снова залился румянцем, но уже от нового потрясения. Этот книжник назвал его «братом»! Значит, Кэвин не просто едет с ними, они приняли его в свой круг. Сердце мальчика бешено колотилось.

– И мало того, что своей необъяснимой нерасторопностью вы задержали начало трапезы, – гремел голос старца, – так еще и не удосужились обеспечить нашего нового брата сапогами!

Смарт втянул голову в плечи и зажмурил глаза. Кэвину почудилось, что в этот момент он походил на какого-то испуганного лесного зверька.

– Чем, собственно, вы так долго были заняты? Я вас спрашиваю! – старец указал пальцем на Смарта, почти ткнул в него. – Может вы удостоите нас ответом?!

– Что здесь происходит? – услышали мальчики голос из-за спины своего обидчика.

Кэвин осмелился поднять голову. Из дверей Трапезного зала вышел еще один старик. Мальчик тотчас его узнал. Это был отец Вигнат. Лицо его, в отличие от первого книжника, светилося благодушием. Старик, так сурово внушавший Смарту, обернулся ему навстречу. Наверное, собирался что-то сказать, но отец Вигнат остановил его жестом.

– Не стоит столь сурово отчитывать младших братьев за их проступки, – произнес он, приблизившись. – Для молодых время течет иначе. Оно неспешнее, и эта неторопливость сулит массу удовольствий. Тревоги о скоротечности времени доступны лишь нам, старикам.

Он внимательно оглядел мальчиков, отчего Кэвин опять потупился, а Смарт отважился смотреть прямо перед собой, вдохновленный нежданно подоспевшей поддержкой. Старик слегка коснулся подбородка Кэвина, и тот послушно поднял голову.

– А вам, молодой человек придется учиться всегда смотреть вперед и выдерживать всевозможные взгляды.

Он улыбнулся, повернувшись к другому старцу, кивком головы отозвал его в сторону. Они пошептались некоторое время и вернулись к мальчикам, они так и продолжали стоять, не двигаясь, взявшись за руки.

– Вот что, мои дорогие братья, – обратился к ним отец Вигнат. – Не стоило вас ругать вовсе, потому что ваша нерасторопность повредила только вам. Завтрак в честь присоединения к нашему братству молодого Кэвина, – он приложил правую руку к груди в знак уважения и слегка наклонил голову, – так и не начался. Но виной тому более серьезные обстоятельства, нежели беспечность двух юношей. Доктор маг вынужден был спешно покинуть замок и отправиться с тяжелой миссией в столицу. Да и нам при таких обстоятельствах мешкать не следует, и как только брат Кнус разберется с лошадьми, мы поспешим в дорогу, – он задумчиво глянул сначала на Кэвина, затем будто сквозь него. – Но наш путь лежит на северо-запад, и я надеюсь, что нам удастся обойти...

Не договорив, он замолчал. В коридоре раздался шорох шагов. Кэвин вздрогнул, вспоминая существо, что недавно принесло ему одежду. Но на этот раз источником шума был всего лишь веснушчатый рыжеволосый парень с худым хитроватым лицом, на котором влажным блеском горели узкие карие глаза. Он очень спешил и с трудом затормозил возле брата Вигната. Уже знакомым Кэвину жестом он приложил руку к груди, задыхаясь, отрапортовал:

– Лошади оседланы и стоят у ворот.

Отец Вигнат нахмурился.

– Лошади? – с удивлением переспросил он.

– Ну да, – откликнулся парень, внимательно разглядывая Кэвина. – Доктор маг не успел вас предупредить. Он поручил нам ехать верхом, не на тьерах.

Кэвин едва сдержал вздох разочарования. Ему приходилось столько слышать о тьерах. Как-то раз, два года назад, будучи в городе, он видел у дверей замка тьеры с запряженной в них парой белых коней. Даже на первый взгляд они выглядели легкими, будто бы сотканными из снежного кружева, хотя, как и положено, были сработаны из дерева, которое не теряло

своего цвета ранней зелени. Говорили, они очень быстроходны и прочны, хотя сами почти ничего не весят. Дерево, использовавшееся для изготовления тьер, не росло в здешних местах, и названия его Кэвин не знал. И вдруг он лишился возможности, о которой не мог даже мечтать – прокатиться на тьерах...

– Доктор маг просил вам передать, – Кнус снова сделал почтительный жест в сторону отца Вигната, – книги он отправит тьерами вслед за нами, когда будет не так опасно.

Тот лишь кивнул головой в знак согласия.

– Что ж, тогда время велит нам отправляться, не мешкая, – адресовался он к своим собеседникам и двинулся вперед.

Сварливый старик остановил отца Вигната, схватив за руку. Тот тревожно оглянулся. Старик кивнул на ноги Кэвина. Как ни удивительно, озабоченное лицо книжника озарилось улыбкой.

– Наш юный гость в этой спешке остался без сапог.

– Не спешка тому виной, – язвительно вставил другой старец и беззастенчиво указал пальцем на Смарта. – Наш брат Сمارт был столь занят разговором с господином Дорном, что не удосужился исполнить свои обязанности как следует.

Кэвин даже не успел поразиться его осведомленности. Отец Вигнат резко покачал головой в знак того, что разговор на эту тему окончен.

– Что бы ни послужило причиной, виной всему наша общая беспечность, – промолвил он. – Брат Кнус, не будете ли вы так любезны, принести нашему юному другу пару дорожных сапог и плащ из его спальни?

– А почему не Смарт? – не скрывая досады, осведомился «сердитый старик», как прозвал его про себя Кэвин.

– Позже, – тихо, но твердо отрезал отец Вигнат. – Вы нужны мне, брат Солюс. Пойдемте, а молодые люди нас догонят. Ну как? Вы не против моей просьбы? – ласково обратился он к рыжему парню.

Лицо Кнуса ничего не выразило в ответ. Он поспешил к лестнице, слегка толкнув Смарта в плечо. Звук его шагов начал удаляться вверх по ступенькам, а отец Вигнат направился вперед по коридору мимо Трапезного зала. За ним следовал рассерженный Солюс.

– Он принимает меня за любимчика отца Вигната, – шепнул Кэвину Смарт, как будто в ответ на его мысли. – Говорит, что против всякого выделения. Может оно и так, только никакими особыми привилегиями я не пользуюсь, если не считать защиту отца Вигната, когда брат Солюс ругает меня за излишнюю резвость. Он ее называет вертлявостью.

Кэвин решил воспользоваться внезапной разговорчивостью мальчика. Он начал чувствовать себя гораздо смелее, будто брат Вигнат своим прикосновением к подбородку избавил его от робости.

– Я все хотел спросить, что творится с помещениями в замке? Почему все стало таким подвижным?

Смарт удивленно взглянул на него.

– Что значит «творится»? Ничего такого, что не случилось бы раньше.

– Но раньше лестницы не сокращались, и стены не двигались, – уверенно возразил Кэвин.

– Это здание построил Тиббелус, он заложил в него способность изменяться в пространстве. Однако оно не живое и не может ничего делать само по себе. Для этого нужны определенные умения.

– Твой? – недоверчиво переспросил Кэвин.

– Ну, например, – усмехнулся Смарт.

– А как же вчера на совете? И когда я пришел? И почему прежде, когда я приходил, этого не было? – затараторил Кэвин.

– Ух ты, сколько вопросов! – ухмыльнулся его собеседник. – Отвечаю по порядку. Такие способности вовсе не у меня одного. Это к вопросу о совете и что-то там о том, когда ты сюда явился. Теперь что касается «раньше, когда я приходил». Так вот, ты тут был чужаком, а чужим такие вещи не принято показывать. Чужие, они ведь разные бывают. Понимаешь?

Кэвин неуверенно кивнул. Его мир до приезда сюда занимал в пространстве так мало места, что теперь оставалось догадываться, какими «разными» могут быть чужие. Но и после туманных разъяснений Смарта Кэвин не утратил любопытства и решимости его удовлетворить.

– А кто такой Тиббелус?

Глаза Смарта округлились от изумления.

– Диковинное имя просто, – смутился Кэвин.

– Обычное для кентавра Гала, – пожал плечами Смарт.

– Для кентавра?! – тут уж пришла очередь удивляться Кэвину.

– Ты что не знаешь, кто такие кентавры? – от потрясения Смарт почесал в затылке. – Ну а как же знаменитые стихи? – он с силой набрал воздуха в легкие и нараспев продекламировал: – На Снежном озере под яркою звездю беседу вел с единорогом фавн.

– Единорог, фавн, – выдохнул Кэвин.

– Да ты что, брат, откуда ты сюда свалился? – с любопытством уставился на него Смарт.

– Но я же думал, что они только в книжках бывают, – оправдывался Кэвин.

– Так ты что читал? Небось, одни сказки, а научные труды или там хотя бы книги для общего кругозора в глаза не выдывал? – Смарт оглядел растерянное лицо Кэвина. – Ну да, вымысел, он, конечно, сейчас популярнее.

Кэвин вздохнул с облегчением.

– Красивые стихи. Но я лишь эти две строчки и слышал. И потом, непонятно, при чем тут все-таки кентавр?

– Ну, про кентавра там дальше будет, даже не про одного, – ответил Смарт. – Там же про Великую битву. Баллада длинная. Пересказывать долго. Я просто напомнил начало, думал, ты знаешь.

За их спинами раздались шаги спускающегося брата Кнуса.

– А ты мне потом расскажешь? – спросил Кэвин.

– Ну конечно, когда доберемся, – отозвался Смарт и обернулся к посыльному.

– Вот вам плащ и сапоги, обувайтесь!

Крикнул Кнус, бросая к ногам Кэвина пару подбитых мехом кожаных сапог и серый, точь-в-точь такой как у других братьев, плащ, и не останавливаясь, помчался дальше по коридору.

– Вот жало! – вспыхнул ему вдогонку Смарт. – А ты и правда снаряжайся и поторопимся, не то как бы снова не пришлось уповать на защиту отца Вигната.

Кэвин быстро натянул сапоги и в который раз за этот день испытал блаженство. Сапоги были легкие и грели точно печка. Он еле успел накинуть плащ.

– Поспешим, – схватил его за руку Смарт и привычно потащил вперед.

Они долго выбирались к входным дверям, петляя по коридорам замка. Кэвину хотелось спросить, почему Смарт не воспользуется своими пространственными способностями, но он боялся вновь показаться чужаком. Когда они, наконец, добрались до дверей, их створки были распахнуты, и во дворе замка сустились братья-книжники, а старый Своуи тревожно вглядывался в глубины коридора. Завидев мальчиков, он сделал нервный жест, призывая их поторопиться. Когда они выбрались во двор, девять братьев уже сидели верхом на белых в серое яблоко конях, и только брат Вигнат восседал на белоснежном скакуне. Своуи держал под уздцы еще пару: гнедого с черной гривой и хвостом и... Кэвин счастливо вздохнул, увидев Элина.

Брат Вигнат повторил жест старого слуги, и мальчики поспешили изо всех сил. Пять минут спустя сорок восемь копыт выбивали дробь по мостовым города. И хотя братья все

сильнее пришпоривали коней, так что площади и улочки Игена мелькали в глазах Кэвина, он успел заметить высыпавших на улицы жителей, поглощенных какой-то странной суетой. Многие облачились в доспехи, другие бегали днем с огнем, на ходу прилаживая к поясам мечи. Но у ворот города царило спокойствие. Они были заперты, в караулке бледным светлячком тускнел догорающий факел. Отряд затормозил возле караульной будки. Из нее выскочил стражник, на ходу поправляя ножны. Он затормозил возле коня отца Вигната и поднял голову, приложив правую руку к груди. Глаза его воспалились от долгой и, по-видимому, вынужденной бессонницы.

– Братья-книжники покидают город в том же составе? – вежливо осведомился он и мельком глянул на выстроившуюся за спиной отца Вигната вереницу конников, чтобы никто не подумал, будто он считает.

Для уверенности стражник добавил:

– Простите, господа, вынужденные меры предосторожности.

– С нами брат Кэвин, – также сделав приветственный жест, отозвался отец Вигнат.

– А, – неопределенно и как-то растерянно отреагировал стражник и, спохватившись, прибавил: – Доброго вам пути, господа. И всегда милости просим к нам.

Он развернулся и направился открывать ворота, по дороге прихватив из караулки своего напарника.

– Так уж и всегда, – вполголоса произнес рядом с Кэвином Смарт.

Ехавший впереди мальчиков брат Кнус обернулся и недобро покосился на Смарт. Кони перед ними дрогнули под пятками седоков, и вся троица пришпорила лошадей. Когда Элин поравнялся со стражниками у ворот, Кэвину почудилось, будто один из них окинул его пристальным взглядом. Может это ему лишь привиделось, и они встретились глазами на мгновение, а может и нет. Кэвин оглянулся, но он ехал последним и успел заметить лишь смыкающиеся за его спиной створки ворот.

Глава 6. Кэвин находит друга

Посмотрев вперед, Кэвин увидел поземку, взметаемую с земли то ли копытами лошадей, то ли легким ветерком, грозящим превратиться в снежный вихрь. Кэвин сразу окунулся в воспоминания о том дне, когда ехал в Иген, не предполагая, как изменится вскоре его жизнь. Сейчас он скакал на лучшем, по его мнению, скакуне Приречья⁶, замыкая ряд братьев-книжников, и испытывал удивительное спокойствие. Кэвина мало волновало, что ждет его в будущем, ему нравилось ощущение пути. Их отряд двигался довольно быстро, и Элин, подстраиваясь под шаг ведущих, шел мерной рысью, без видимых усилий. Кэвину пришло в голову, что его скакун...

Его скакун. Какое счастье думать так. Мальчику представлялось, что Элин чувствует то же самое и так же рад неожиданному повороту судьбы. Да и зимний день выдался красивый. Было не слишком холодно и пасмурно, а Вис-ольн, насколько хватало взгляда, еще не укрыло метельной дымкой. Они ехали по Большому тракту; на пять свирнов правее пути их следования, под набухшими снегом серыми облаками, вилась лента покрытого льдом Ибрина, отражая голубоватые отблески редких небесных «прогалин». Отряд растянулся по дороге змеей, от «головы» которой внезапно пробежала «дрожь» к хвосту процессии. Не успел Кэвин разгадать причину происходящего, как его попутчики друг за другом принялись оглядываться назад, передавая новость.

– Поворачиваем! – крикнул Смарт, пытаясь обернуться.

Капюшон плаща был слишком велик для его головы и при повороте закрывал часть лица, отчего мальчик сделался похожим на укутанную в платок деревенскую девочку весьма необычной наружности. Кэвин улыбнулся и тронул поводья перешедшего на шаг коня. Они сворачивали в сторону реки по незаметной, теряющейся в снегу тропке, летом она становилась наезженной дорогой, где могли разойтись два всадника в полном вооружении, благо левый берег реки был сухим и каменистым.

По широкому и полноводному Ибрину с весны до поздней осени сновали небольшие суда и ходил паром, перевозивший жителей правобережья вместе с товарами на эту сторону. Здесь, на Икерст-ау или на языке людей Иристой пристани их ждали повозки предприимчивых жителей Игена, что за небольшую мзду доставляли гостей к воротам города, иногда выторговывая возможность поселить их у себя за приличное вознаграждение. Уставшим и измученным не столь долгой, сколь трудной дорогой людям порой ничего не оставалось, как воспользоваться дорогим гостеприимством своих соседей. Правобережье, особенно в его западной части, покрывали болота Пелема, там оно на многие кирны становилось практически непроходимым, и люди предпочитали селиться на северо-востоке. Они собирали лекарственные травы, готовили лечебные отвары и настои. Тем в основном и жили.

Обитатели правобережья отличались угрюмым нравом. За это южные соседи их недолюбливали и распускали слухи, будто у северян напрочь отсутствует чувство юмора. Бывая на Хламсвале, Кэвин не раз слышал смешные рассказы (трики, как их называли жители Игена) о шутке какого-нибудь резвого горожанина над простодушными северянами. Жители главного города Вис-ольна заметно отличались от своих северных соседей. Они, как правило, были говорливы до навязчивости и так же отзывчивы к чужим проблемам, даже когда их не просили. Впрочем, при этом они строго блюли свои интересы, особенно материальные. И зачастую проявляли готовность помочь, если только это не касалось денег или даже обещало некую прибыль. Но в одном северяне и их неугомонные соседи были схожи. Они одобряли и считали благом лишь вещи, доступные их пониманию. А потому открыто недолюбливали бра-

⁶ Долина реки Ибрин в центральной части Северверна.

тьев-книжников за их ученость, которая, по общему мнению, являлась неизменным источником всех бедствий в королевстве.

Ведь и достопамятный Священный договор Мертвой зимы был подписан при непосредственном участии книжников. Это уж доподлинно знал каждый карапуз в городе, едва научившийся понимать человеческую речь. Со стороны людей в подготовке и подписании договора участвовал тогдашний старейшина города, Акен, а королевскую власть, подтверждавшую официальную силу документа, представлял Доктор маг. Городские старожилы поговаривали, что именно после тех событий за два года подправили заброшенный замок на краю Игена, куда на жительство перебрался из столицы Доктор маг. Поначалу игенцы встретили его довольно прохладно, если не сказать враждебно. Острые языки горожан держал на замке лишь страх перед волшебником. Но потом страсти улеглись, поскольку вслед за частыми визитами в замок старейшины Акена дела необъяснимым образом пошли в гору, и небедный к тому времени городок превратился в процветающий торговый центр Вис-ольна. Тогда-то и была построена на месте прежней пристани Икерст новая – Альста-ау, на всеобщем языке – Королевская пристань.

К ней сейчас приближался отряд братьев-книжников. Правда, к пристани, носившей столь величественное название, за три десятилетия королевская речная флотилия так ни разу и не причалила. Но виной тому были вовсе не архитектурные недостатки, а предубеждение, питаемое королем к водным путешествиям. Кэвин смотрел на занесенную снегом пристань, вспоминал, как оживлено она выглядела летом, и соображал, каким образом они собираются перебраться через реку. В месяце ноове⁷ переход по льду становился довольно опасным предприятием. До весны было еще далеко, но солнце с конца оева⁸ поднималось все выше и к середине последнего месяца зимы обретало уже весеннюю яркость, отчего лед на середине Ибрина подтаивал и истончался, сохраняя предательскую видимость монолитности. Кэвину не раз приходилось слышать о неосторожных путниках, провалившихся под лед именно в ноове.

За полсотни шагов до пристани отряд вновь неожиданно свернул на еще более узкую тропу, уводившую вбок от реки в сторону Керхорна. Тропа эта могла быть проложена одиноким путником, задумавшим добыть себе острых ощущений, чтоб было о чем рассказать детям у камина, накрывшись овечьим пледом и попивая горячий отвар из целебных трав. Кони братьев быстро перешли на шаг, увязая в снегу. Один Элин чувствовал себя так же уверенно, как и на тракте, и не только не сбавил темп, но обошел спотыкающихся соплеменников, к изумлению всего отряда и смущению Кэвина, поравнялся с белым скакуном отца Вигната. Сам глава книжного братства не обратил на юного брата внимания. Он озабоченно всматривался вперед, в теряющуюся в занимавшейся метельной кутерьме тропинку. Кэвин проследил за его взглядом.

– Минут через двадцать тропинку совсем заметет, – неожиданно для себя сказал он вслух и с тревогой посмотрел на старика.

Тот обернулся. Лицо его было бледным. Он глядел на мальчика так, словно совсем не уяснил его слов. Вдруг отец Вигнат встрепенулся, точно стряхнул с себя какие-то тяжелые мысли, улыбнулся.

– Вы совершенно правы, молодой человек, – он снова взглянул вперед на тропу. – Мы поторопились, но все равно опоздали. Нам нужно успеть добраться до чашобы, прежде чем метель разойдется.

– Вы можете пустить перед отрядом Элина, он найдет дорогу в любую метель, – осмелился предложить Кэвин.

Отец Вигнат внимательно изучил его лицо.

⁷ Ноов – последний, 3-й зимний месяц.

⁸ Оев – 2-й месяц зимы.

– Хорошая идея. А ты, правда, сообразительный мальчик, как я о тебе слышал.

– От кого? – изумлено спросил Кэвин.

– От мастера Бартуса, – улыбнулся его собеседник и озабоченно продолжал: – Я знаю, Элин – прекрасный конь, но меня сейчас беспокоит вовсе не возможность заблудиться в метельной глуши, а значительно более серьезная опасность, – он оглянулся на плутающий в снегу отряд. – Брат Смарт! – гулкий голос отца Вигната перекрыл поднявшийся ветер.

От хвоста процессии отделился всадник, объезжая замерзших братьев, начал пробираться вперед. Отец Вигнат тронул поводья, белый конь послушно встал, шумно дыша и выпуская из ноздрей клубы пара. Элин замер сам по себе, не дожидаясь команды хозяина. Отряд остановился. Метель разыгралась нешуточная, она всю кружила снегом над склонившимися от ветра головами всадников, окутывая бока лошадей белой пеленой. Те отфыркивались, увязая в снегу, переступали с ноги на ногу. Отец Вигнат и Кэвин молча ждали Смarta. Он добрался до них нескоро. Кэвин, коченея на ветру, натянул капюшон на самые брови. Смарт замерз не меньше и держал покрасневшей рукой распахивающийся капюшон у подбородка.

– Нужно послушать, брат Смарт, – обратился к мальчику отец Вигнат. – Дозорные стражники Игена донесли, что эта тропа свободна до самой опушки чащобы, но меня мучает недоброе предчувствие.

Кэвин взглянул вниз. Дозорные стражники. Теперь понятно, кто проложил здесь тропу стороной от тракта.

– Послушай и облегчи старику душу, – продолжал отец Вигнат. – А если мои опасения оправдаются, то мы будем предупреждены и...

Он не успел договорить. Смарт отнял руку от подбородка, и капюшон тут же предательски слетел с головы. На всеобщее обозрение представились его выдающиеся уши, пылающие алым цветом не то от смущения, не то от холода. Ветер путал и вздымал волосы юного книжника, от чего уши выглядели еще больше. Кэвин заметил, что они поворачивались в стороны независимо друг от друга, стараясь уловить звуки в метельной завирти, и ему вдруг стало не по себе. Смарт тряхнул поводьями, пробрался вперед по тропе чуть дальше остановившегося отряда и замер. Кэвину представилось, что прошло не больше минуты, когда Смарт обернулся к ним и, не имея возможности вернуться по мгновенно занесенному следу, махнул рукой. Отец Вигнат сделал знак братьям оставаться на месте, а сам тронулся вперед. Кэвин неуверенно двинулся за ним. Метель разошлась, сыпя в глаза снежную муку и не давая ни всадникам, ни лошадям вздохнуть полной грудью. О том, чтобы достичь Керхорна в срок, не могло быть и речи. Когда они добрались до Смarta, тот успел натянуть капюшон и все так же придерживал его у подбородка, только руки мальчика из бледно-розовых стали пурпурно-красными. Лицо его, в противоположность рукам, привиделось Кэвину бледным и испуганным.

Едва они приблизились к нему настолько, что могли расслышать, он прокричал:

– Волки-оборотни! Это не Скэрлова стая, это Гатовы полчища! Их много, больше трех сотен! Они у юго-восточной кромки леса, на пустоши!

– Что ты так кричишь? – стараясь говорить спокойно, обратился к нему отец Вигнат, перекликая ветер, когда они очутились совсем близко.

– Нам не успеть убраться отсюда, – выдохнул Смарт, и Кэвин ощутил отчаяние в его голосе.

– И что же? – отозвался отец Вигнат.

Смарт с ужасом глянул на старика.

– Мы не сумеем сменить тропу. И еще. Они, волки, движутся навстречу. И между нами не больше полкирна.

Старик встрепенулся.

– Ну, значит, так тому и быть. Мы должны приготовиться к любому приему, – он оглянулся и махнул рукой. – Поедем вперед, – пояснил он мальчикам и, заметив движение Смarta,

добавил: – Клинки не доставать. Они сейчас агрессивны и должны почувствовать, что мы настроены мирно.

Смарт отнял руку от подбородка, так что его капюшон опять сполз на плечи, и приложил ее к груди.

– Но отец, люди Дролета нарушили Священный договор Мертвой зимы, и теперь полчища Гата несут смерть всем, кто в нем участвовал. Покорившись своей судьбе, мы обречены.

– Ты прав, брат, если такова наша судьба, мы обречены, но на то и существует бремя выбора. Поверь, и у самой суровой судьбы бывает несколько вариантов. И если мы повернем назад, авангард Гата нагонит нас на полпути к Наезженной тропе, а мы встретим их спинами. Трусость лишь усиливает чужую агрессию. Гат сразу поймет, что мы хотели обойти его войско стороной. Наша судьба сейчас, видимо, в том, чтобы встретиться с ними, однако нам выбирать, как произойдет эта встреча. Пока у нас еще есть возможность выбора, и в этом наше спасение.

Смарт потупил голову. Кэвин понял, он вовсе не вдохновлен словами отца Вигната, но перечить не смеет. Отряд за их спинами подтянулся и, по знаку своего предводителя, медленно двинулся вперед по едва видимой в снегу тропе. Они ехали молча друг за другом, отец Вигнат, Смарт и Кэвин.

Хотя все они ждали встречи, оборотни возникли внезапно, словно метельные сгустки появились впереди чуть слева, прямо в глубине заснеженной равнины. Сначала было видно только несколько десятков пар глаз, «полыхавших» в стущающихся сумерках красным цветом. Братья остановились, пытаясь развернуться на узкой тропе головами к волкам, кони их беспомощно перебирали ногами, проваливаясь в снег и толкаясь. Наконец кое-как развернувшись, всадники встали вплотную друг к другу и замерли. Приблизившиеся оборотни быстро скользили по заснеженной пустыне, но за пару десятков шагов до отряда замедлили свой бег, а за спинами растянувшейся по равнине передовой стаи возникали все новые и новые тени. У Кэвина от страшного возбуждения сердце трепыхалось в груди. Он был испуган, но не мог побороть любопытство. Он в первый раз видел волков-оборотней, о которых слышал так много историй. Все они повествовали о нравах волков и их участии в истории королевства. По одним рассказам, это были безжалостные убийцы и грабители, в других они представляли частью древнего, почти исчезнувшего народа, который пытался охранить свои права от посягательств расплодившихся людей. Людей волки называли слоками. Как переводится это слово, Кэвину известно не было, поскольку ни одного языка, кроме родного, он не знал. Но, судя по звучанию, оно означало что-то неприятное.

Существовали легенды, что дети Волеволда, как именовали этот народ в землях Северверна, в стародавние времена выступали на стороне людей, однако, правдой все это было или нет, теперь ни тот ни другой народ «родства» не помнил, и от войны их удерживал лишь Священный договор Мертвой зимы, втайне проклинаясь обоими. Ненависть тлела в сердцах людей и волков, как до поры до времени тлеет уголек в камине, пока в него не подкинут сухих дров. И для того чтобы эта ненависть прорвалась наружу, требовался лишь повод, случайная либо преднамеренная оплошность с любой стороны. И в год тридцати трехлетия договора такой повод нашелся. Воины дозорного отряда западного предела остановили перешедшего Ико-хольн, на языке людей Снежное озеро, сына верховного вожака с четырьмя друзьями и расправились с ними. Кэвин слышал эту историю, когда бывал в начале зимы в Игене, тогда ее пересказывали на каждом углу. Поступок дозорного отряда показался ему неоправданно жестоким. Формальные нарушения волками границ случались и прежде, но никто не отваживался на убийство. Тем более что даже лютым противникам договора было ясно, юных нарушителей застали врасплох, иначе не удалось бы так легко с ними справиться. Волки-оборотни слыли отличными воинами. Так наказание злоумышленников превратилось в убийство. Однако редкие жители Вис-ольна разделяли мнение Кэвина.

Преступление привело к быстрому развитию событий. Молодых волков убили и доставили в главный город долины, Иген, в середине соона⁹. Старейшина города Слоур, согласный со своим народом, распорядился повесить трупы волков на площади у городской ратуши. Слухи быстро разошлись, о происшествии узнал Доктор маг. Он вызвал к себе старейшину и к разочарованию жителей Игена и вопреки сопротивлению городского главы, учредил суд над дозорными капитана Яса Дролета, а также повелел снять тела погибших. Игенцы этот шаг не одобрили, от души сочувствуя дозорным. На Хламсвале ходили разговоры о том, что волки давным-давно обнаглели, и пора было их приструнить. Жители Вис-ольна уже привыкли списывать на волков свои неприятности.

В двадцатых числах соона в город прибыли гонцы верховного вожака. Они имели долгий разговор с Доктором магом, затем забрали тела погибших и тихо покинули Иген. К тому времени закончился суд над дозорными: одних разжаловали в рядовые, других отправили в дежурные отряды, охранять городские ворота. Но все усилия по восстановлению мира ни к чему не привели, и, после затишья в середине оева, в долине появились уже не стайки оборотней-подростков, а полчища взрослых волков, озлобленных потерей наследника. Сами игенцы не ожидали, что поступок дозорных приведет к откровенной вражде, и отступив от прежних убеждений, стали вести себя крайне осторожно, в отличие от других жителей долины, без колебаний ввязавшихся в конфликт. Однако противостояние до сих пор не приняло характер полномасштабных военных действий. Пока в нем не участвовали войска короля, оно проявлялось в коротких стычках. И сейчас Кэвин, с трепетом наблюдая приближение крадущейся волчьей стаи, думал о том, как легко было избежать войны и как тяжело будет остановить насилие.

Кони фыркали и крутили головами, учуяв запах волков. Кэвин оглянулся на своих спутников. Напряженные фигуры словно вросли в седла, на плечах и капюшонах белел наметенный стихающей непогодой снег, руки, прикрытые рукавами, лежали на спинах лошадей, сжимая поводья, демонстрируя нежелание защищаться. Кэвин вытянулся в седле, стремясь выглядеть под стать своим новым братьям. Метель успокоилась, точно заинтригованная предстоящей встречей.

Волки двигались все медленнее и наконец остановились. Сумерки густой пеленой окутали равнину и, если бы не снег, стало совсем темно. Кэвину был виден лишь первый ряд оборотней, и они выглядели обычными волками. Повисла томительная тишина. Вдруг волки зашевелились, пропуская кого-то вперед. Это был матерый статный волк, и, если бы не седая шерсть у носа, его можно было бы принять за молодого, полного сил зверя. Глаза волка светились красным, как у его соплеменников. Он вытянулся на передних лапах, поднял голову, словно собираясь взвыть, но потом повел носом, как будто раздумал и хмуро оглядел отряд. Вдруг он припал всем телом к земле, его движение повторили другие волки. Кэвину померещилось, что равнина ожила, точно по ней прокатилась серая волна, тела волков в унисон дрогнули. Кэвин еще не успел понять, что происходит, когда услышал голос сбоку:

– Обращаются, – громким шепотом, чуть не падая на него, проговорил Смарт. – Значит, не все так плохо, а то и разговаривать бы не стали.

Кэвин знал, что волки обращаются людьми только по своему желанию, в зверином облике они смертельно опасны, а для неопытного в военных делах человека, пусть даже вооруженного, это, как правило, означает гибель. Он ни разу не видел обращения и сейчас не разобрался, как оно произошло. Перед ними постепенно поднимались на ноги, словно присевшие на корточки люди, одетые в дохи на волчьем меху длиной по самые щиколотки, утопавшие в снегу. Лица их не выглядели так агрессивно, как морды волков. Строгие взгляды серых, карих, голубых глаз устремились на братьев. Кэвин был поражен тем, сколь разные лица и глаза он увидел перед собой. Если бы не стая волков, пересекавшая Вис-ольн, мальчик принял бы их за людей.

⁹ соон – 1-й месяц зимы.

Тут он вздрогнул, почувствовав на себе взгляд, встретился с ним глазами и обмер. Это был Гат. Он стоял перед строем своих воинов и внимательно всматривался в лицо мальчика. Потом сделал несколько шагов к отцу Вигнату. Ряды оборотней не шелохнулись. К удивлению Кэвина, отец Вигнат спешился, отдал поводья Смарту и отправился навстречу волку. Они остановились в пяти шагах друг от друга. Рот Гата скривился в усмешке.

– Ну, здравствуй, брат-книжник! – приветствовал он отца Вигната, не подавая руки.

– Привет и тебе, славный мой друг, – спокойно отозвался старик.

– Ты, наверное, шутишь, обращаясь ко мне так. И совершаешь этим большую ошибку, – огрызнулся оборотень.

За его спиной воины сделали шаг вперед. Но он оглянулся на них и вскинул руку, давая понять, что разговор с книжником не окончен. К изумлению Кэвина, отец Вигнат приложил правую руку к груди и медленно, четко проговаривая каждое слово, произнес:

– Я знаю глубину боли твоего народа, храбрый Гат, и твоей собственной боли.

Оборотень зло усмехнулся, но смолчал.

– Но какой бы несправедливой ни представилась тебе сейчас эта мысль, насилеи не поправить дела. Мечь не вернет к жизни наследника.

С этими словами старик стянул капюшон и склонился в глубоком поклоне. Оборотни все как один опустили на одно колено, уронив головы. Однако их вожак остался стоять, глядя на седины старика невидящими глазами. Отец Вигнат выпрямился и продолжил говорить. Услышав его голос, волки поднялись и как прежде молчаливо и неподвижно встали за спиной своего предводителя.

– Мечь не возвратит рассудок твоей жене и не поднимет из могилы твоего сына.

Гат вздрогнул, точно очнувшись, ослабился.

– Ты говоришь, старик, мечь не вернет моему волчонку жизнь. Ты стар, голова твоя седа. Ты видел Северверн на заре его истории. Ты знал меня слепым щенком, когда моя мать Гизна позволяла мне лизать твои руки.

Он вдруг расхохотался. В наступившей тишине его смех прозвучал особенно страшно.

– Наивная волчица полагала, что так ее отпрыск впитает хотя бы капельку твоей мудрости, – он метнул на внезапно осунувшееся лицо старика отчаянный взгляд. – Да, ты стар и мудр, а твой пасынок-оборотень лишился остатков разума над телом своего единственного волчонка, глядя на слезы обезумевшей от горя матери. Да, я желал, как ты, старик, дожить до седин, но еще больше я желал увидеть своего мальчика матерым волком. Мечь – оружие обреченных, утешение для отчаявшихся, таких как я. И я намерен сводить счеты с людьми Вис-ольна за нарушение Священного договора до тех пор, пока боль моего народа не станет нашей общей болью. Хэу! – внезапно выкрикнул он, по-волчьи растягивая звук и поднимая правую руку.

Гат повернулся к волкам. Те, словно впервые с начала переговоров воспрянув духом, вскинули руки и отозвались протяжным леденящим: «Хэу!» Отец Вигнат шагнул к Гату. Тот мгновенно развернулся к нему.

– Еще один шаг, старик, и я забуду прежнюю нашу дружбу! – предупредил он.

Кэвин с тревогой заметил движение оборотня, он собирался опуститься на снег. Тотчас ряды волков ожили. Лязгнула сбруя, братья-книжники достали клинки. Кэвин с ужасом посмотрел на мертвенно-бледного Смарту. У Кэвина гулко стучало сердце, отдаваясь в висках, он хотел закрыть глаза, но боялся. Отец Вигнат оглянулся на братьев. Его глаза пылали гневом.

– Убрать! – грозно скомандовал старик.

Гат выпрямился.

– Ты дашь своему братству погибнуть? – усмехнулся он.

Отец Вигнат резко повернулся к оборотню. Кэвин не видел лица книжника, но ему представилось, что гнев не успел сойти с него.

– Да, если это вернет тебе разум! – с яростью крикнул старик.

В первый раз он возвысил голос на оборотня. И Кэвин, замирая от ужаса, увидел, как лицо вожака волчьей стаи меняет выражение.

– Я знаю, ты не обманешь, и мне впервые страшно, – холодно отозвался Гат. – Не так легко убивать друзей, – он усмехнулся. – Но если друг встает на сторону врага, ничего другого не остается. Только знай, мой народ не привык к роли палача, и мне жаль лишать жизни беззащитных.

– Братья-книжники не принимают ничьих сторон. Они всегда на стороне мира. И у тебя есть выбор, – ответил старик негромко.

– У меня его нет с тех пор, как на площади Игена я видел тела моих братьев, выставленные напоказ, будто военные трофеи. И мой сын...

– Вы могли назначить свои условия, – прервал его отец Вигнат. – Это предусмотрено договором. Не горячись, условия никогда не поздно назначить. Пока не началась война.

На минуту повисла томительная тишина.

– Ты говоришь об условиях, хотя не мой народ нарушил договор, – прервал молчание Гат. – Что ж, а ты готов выполнить мои условия, показав этим добрый пример людям Вис-ольна?

– Мы готовы сделать все возможное для возвращения мира.

– Мы? – в голосе волка слышалось удивление.

– Ты забыл, мой друг, в случае принятия решений у братьев не сильна иерархия. И если твои условия будут приемлемы, мы выполним их сообща.

– Мой друг, – повторил за отцом Вигнатом оборотень. – Это мы как раз и выясним, раз ты уже торгуешься.

– Я обещал выполнить все, что в моих силах, но я не волен отвечать за короля, – возразил старец.

– Король далеко. И не мне о нем думать.

– Мой добрый друг, я пойду на выполнение твоих условий, если ты откажешься от оскорбительной манеры обращения, и мы сможем вернуться к разговору, более приличествующему представителям двух свободных народов, нежели торговкам Хламсвала. Кроме того, я прошу тебя позволить братьям зажечь свет. Нам он нужен, в отличие от вас.

Кэвину показалось, что отец Вигнат говорит с Гатом слишком резко, но, как ни странно, старику, похоже, удалось урезонить оборотня.

– Как вам будет угодно, – отвечив тот, а потом вдруг улыбнулся. – Вы забыли, отец, что мы не волки, нам огонь не страшен.

– Я не забыл и никогда не забуду, что вы – часть древнего народа Северверна. Я всего лишь прошу у вас позволения.

Гат наклонил голову, приложив правую руку к груди. Всадники зашевелились, как будто статуи обрели жизнь. Не спешиваясь, каждый достал из крепко прилаженного к седлу походного мешка горсть «черных камней», чиркнув ими друг о друга, кинул в снег. Перед отрядом мгновенно вспыхнула цепь огней. Кэвин слышал о таких штуках, самогрелах, как их называли жители Вис-ольна. Росли они сами по себе или из чего-то были сделаны, точно никто не знал. Настоящими самогрелами владели лишь братья-книжники, подделки во множестве продавали шарлатаны на главном рынке Вис-ольна, Хламсвале. Так или иначе, но настоящие самогрелы, как слышал Кэвин, могли гореть даже в промокшем дождливом лесу и в заснеженных горах, где и деревца-то для костра не найдешь. Сейчас Кэвин смотрел на ярко пылающую в снегу гирлянду с восхищением. Кони, привыкшие, по-видимому, к разным чудесам своих хозяев, не испугались, что у их ног вспыхнул огонь. Оборотни так же неподвижно и спокойно стояли на месте. Кэвин опять поймал на себе взгляд вожака стаи. Гат почувствовал, что мальчик заметил его внимание, и отвел глаза.

– Ваши условия?

Отец Вигнат продолжил переговоры, когда стало достаточно светло.

– Наши условия давно известны королю, – хмуро произнес Гат. – Они не нарушают ни одного пункта Священного договора Мертвой зимы, но ваш король счел их неприемлемыми.

– Король ответил вам отказом? – удивленно спросил отец Вигнат.

– Он назвал условия договора невыполнимыми. А это ложь. – Гат тут же поправился: – Это не соответствует правде. Договор предусматривает условия, которые любой из участников вправе выставить в случае нарушения его другой стороной. Одно из допустимых условий гласит, что в случае гибели представителя одного из свободных народов, подписавших договор, родственники пострадавшего вправе потребовать возмещения.

– Вы просили выдать вам дозорных, виновных в гибели наследника? – прервал его отец Вигнат.

– Нет, – горько усмехнулся оборотень. – Мы имели в виду не такое возмещение. Мой народ потерял единственного наследника, а у вашего короля, насколько нам известно, два сына. Вожак Гонул поставил своим условием выдать ему одного из братьев по выбору короля. И несмотря на гарантии сохранения ему жизни, ваш король посчитал наше требование неприемлемым, чем нарушил свое слово следить за неукоснительным соблюдением пунктов Священного договора Мертвой зимы, данное при его подписании. Наше требование неизменно, как только король одумается, появится шанс восстановить мир.

– Я не знал о том, что королю было предложено такое решение, – задумчиво произнес отец Вигнат. – Но, не смея разглашать причину своей убежденности, могу заверить вас, дорогой друг, а через вас – многоуважаемого Гонула, – с этими словами старик наклонил голову и прижал правую руку к груди, – как только назовут престолонаследника, ваше условие будет исполнено. А выполнение его до этого срока может повлечь за собой тяжелые последствия не только для жителей королевства Уольвиг, но и для всех свободных народов. В достоверности моих слов я могу незамедлительно дать вам высочайшую клятву.

Гат склонил голову в знак уважения.

– Ну что ж. Пожалуй, если бы король Стауг потрудился объяснить свои действия, возможен был бы иной исход. Ибо в разъяснении своей позиции мне видится уважение к другому народу. Но все равно, даже в этом случае, король не спешит назначить наследника.

– Это связано с обстоятельствами, которые мне известны, но я не вправе их разглашать. Однако если бы был шанс при соблюдении неких избранных вами гарантий прекратить противостояние, я сам взялся бы следить за их выполнением.

– Хорошо, – прищурился Гат. – Я вам полностью доверяю. Кроме того, я уполномочен вожаком Гонулом на принятие решений от его имени. В качестве гарантии выполнения условия мне нужен «нефиитовый» мальчик.

– Кто? – удивился отец Вигнат.

– Он.

К ужасу Кэвина, оборотень указал на него.

– И это только сейчас, – продолжил Гат. – После выполнения условия он нужен мне в качестве возмещения потери.

Воцарилась долгая тишина. Кэвин от души надеялся, что отец Вигнат ответит отказом.

– Что ж, похоже, достопочтимый Гат, мы начали понимать друг друга. Но я, как и вы, связан с моим народом обязательствами, которые не вправе нарушить. Мне не ясно, зачем вам понадобился наш брат, но этот мальчик – залог будущего процветания королевства, – отец Вигнат сделал паузу, будто бы обдумывая что-то. – Я готов, при согласии нашего брата Кэвина, пойти вам навстречу, но, к сожалению, даже при его самоотверженном желании помочь, лишь в том, что касается избрания его гарантией соблюдения королем условия восстановления мира.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Гат и протянул отцу Вигнату руку.

– Вы забыли, мой друг. Я сказал, в случае согласия брата Кэвина, – не пожимая руки, возразил отец Вигнат.

Кэвин почувствовал, как всеобщее внимание переключилось на него. Ему чудилось, что он не только видит, но всей кожей ощущает сотни глаз, устремленных на него из темноты в ожидании ответа. Он вздрогнул от ледяного прикосновения, когда его пальцы, сжимающие поводья, накрыла ладонь Смарта.

– Я согласен! – звонким испуганным голосом выкрикнул Кэвин.

И с трепетом увидел, как отец-книжник пожимает руку оборотню. Мальчик опустил голову, представляя себе, как останется один.

– Я обещал вам, мой друг, что лично прослежу за исполнением условия, – продолжал отец Вигнат. – Жизнь нашего брата дорога мне, и потому я считаю необходимым отправиться ко двору, чтобы насколько возможно ускорить разрешение ситуации. Но, по той же причине, я не могу оставить мальчика одного.

При этих словах Кэвин поднял голову, осознав, что отец Вигнат не бросит его на произвол судьбы.

– Хотя я и полностью доверяю вам, мой друг, – закончил книжник.

– Я, я пойду с ним! – неожиданно для всех прозвучал срывающийся от волнения мальчишеский голос.

Смарт даже приподнялся в седле, боясь, что его не услышат и не заметят. Оборотень резко развернулся к нему и долго внимательно изучал лицо мальчика. Смарт опустил голову под его взглядом. Отец Вигнат молчал.

– Что же, – наконец произнес Гат. – у меня нет намерения противиться каким-либо условиям с вашей стороны, если они разумны. Мы отправимся к Лыст-рау, или на вашем языке Лысому мысу на Снежном озере, и будем ждать там ответ в сроки, которые вы нам укажете. Я еще раз пойду вам навстречу по старой дружбе. Но срок не должен превышать трех недель...

– Мы управимся за две, – прервал рассуждения оборотня отец Вигнат. – через три дня пришлю вам гонца из рода Гардвигов с сообщением о том, как обстоят дела. Вы, со своей стороны, должны дать гарантию сохранения жизни наших братьев.

– Клянусь честью нашего рода и наших предков! – отозвался Гат.

– Клянемся! – протяжно взвыли оборотни за его спиной.

– Хэу! – крикнули они все вместе.

– Мы отправляемся немедленно, – сказал отец Вигнат.

Он вернулся к отряду и вскочил в седло. Спутники Кэвина – все как один – проворно нагнулись к земле, собирая горящие камни, которые от прикосновения холодных пальцев мгновенно гасли. Гат остался стоять на том же месте. Отец Вигнат взглянул на мальчиков.

– Ну, мои дорогие, мне больно оставлять вас, но Гат не причинит вам зла, коль дал слово. А мы с братьями поскачем во весь опор ко двору. И я буду первым, кто приедет за вами к озеру и очень скоро. Я вам это обещаю.

Все самогрелы, кроме тех, что лежали у ног Смартова скакуна, погасли. Братья не отваживались в присутствии волков зажечь факелы, и стало совсем сумрачно. Скоро глаза книжников привыкли к темноте.

– Обещайте мне не растерять друг друга, – наставлял мальчиков отец Вигнат.

– Обещаем, – не очень уверенно отозвались Смарт и Кэвин.

– Вас ждут, – сказал старик, кивком указывая на волков.

Кэвин взглянул на стаю оборотней и вскрикнул от удивления. От воинов в человеческом облике не осталось и следа. Их ждала огромная стая волков. Кэвин в отчаянии тряхнул поводьями, и Элин, до того будто дремавший, громко и недовольно фыркнул и, взбрыкнув, сделал несколько шагов навстречу стае. Кэвин услышал, как за спиной, обращаясь скорее к себе, Смарт успокаивает своего коня. Едва они отъехали от отряда, стая пришла в движение. По мне-

нию Кэвина, Гат не издал ни звука, и мальчик терялся в догадках, как волкам удавалось понимать друг друга. Но когда у ног его коня потекла, скалясь, серая масса, он уже ни о чем не мог думать. Кэвин оглянулся назад. Увидел теряющиеся во мраке силуэты братьев, смотревших им вслед. Кони, подгоняемые страхом перед волками, быстро уносили мальчиков вперед, в темноту.

Глава 7. Братья

Утро окунуло небо в яркую палитру красок. Верхушки деревьев утонули в ее радужной гамме. В лесу разлилась звенящая тишина, какая бывает лишь зимой. После долгой оттепели снег растаял в самых глухих его уголках. И чаща в окрестностях Альткарника, сплошь усыпанная подгнившей прошлогодней листвой, утратила прежнюю величавую красоту.

Внезапно безмолвие, изредка нарушаемое вороньим граем в кронах старых исполинов, «растаяло» в смехе двух путников. Ворон королевской посыльной службы Дар, задремавший с вечера на ветке кваревого дерева, встрепенулся. От испуга бестолково захлопал крыльями. Узнал знакомые голоса, тревожно повел головой в их сторону, и тут же решил обратиться восвояси по-добру по-здорову. Отрывисто каркнув, скорее для собственного удовольствия, нежели для оповещения лесной братии, он резко сорвался с места и исчез между деревьями.

– Ты слышал? По-моему, это Дар. Вот плут! Удульн ждал его с донесением вчера. А он, как пить дать, заснул в лесу. А вернется, примется врать, что заблудился.

– С каких это пор ты интересуешься государственными делами?

– Да я случайно слышал. Шел к отцу. Дарек не пустил. Сказал, там Удульн с докладом. А потом отец позвал Дарека, и он забыл прикрыть двери.

– Плотно, – усмехнулся один из путников.

– Ага! – улыбнулся в ответ его собеседник.

По округе вновь разнесся беззаботный смех.

– Побежали!

Если бы разведчики воинства Гата задумали подобраться к столице людского королевства и выкрасть одного из принцев, им вряд ли пришло в головы, что маленькая веселая компания состоит из первых лиц Уольвига. Две пары ног в промокших насквозь сапогах, беспечно поддевавшие палую листву, принадлежали наследникам короля Стауга.

Близнецы: Фаульн и Альтур – разница между их рожденьями составляла ровно час и пятнадцать минут, так похоже, что и придворным не под силу было определить, кто из них кто. Принцы нередко пользовались сходством в своих целях. Объектами их веселых, но не всегда безобидных шуток становились слуги, а порой даже воины регулярного войска короля – куэрты. Братья остерегались разыгрывать разве что венценосного отца да кормилицу, благо разумно опасаясь разоблачения, так как за ним последовало бы суровое наказание. Король Стауг никогда не заблуждался на счет способностей своих любимцев, а старая Мильна, выкормившая и вырастившая принцев после смерти матери, знала братьев лучше их самих.

Молодые люди, щекоча друг друга и уворачиваясь с гоготом, распугавшим лесную живность на полкирна вокруг, кружили по лесу, пока не выбрались из-под сени деревьев на поляну.

– Ай! Ты мне волосы выдерешь!

Крупные миндалины зеленых с карими прожилками глаз, на длинном узкоскулом лице Фаульна, вспыхнули гневом.

– Это не я! Береги голову!

Миролюбиво отозвался близнец, торопливо убирая ветку от лица «старшего» брата. Зелено-голубые глаза его при этом лукаво блеснули.

– Зачем ты вытащил меня в Альттун¹⁰ в такую рань? Смотри, ноги промокли!

Высокий тощий Фаульн потоптался на месте, стряхивая прилипшую к носкам сапог листву.

– Опять злишься? – попытался обнять его за плечи младший брат.

– Отстань! – раздраженно отозвался Фаульн и оттолкнул Альтура.

¹⁰ Легендарный лес, символ королевства Уольвиг, по преданию сотворенный в незапамятные времена магами виклондами.

Щеки юноши покрылись пятнами румянца.

– Ну вот! Опять зарделся как девица. И с такими-то манерами ты думаешь стать королем? – презрительно фыркнул Фаульн.

– Ты прекрасно знаешь, я не желаю... – помолчав и растеряв прежнюю веселость, ответил Альтур. – Я думаю, лучше короля чем ты им не найти.

– Кому это им?

Альтур замялся.

– Ну, отцу и Ипастриуму¹¹. Но давай не будем об этом. Раз ты станешь королем после отца...

Лицо Альтура после этих слов словно осунулось. Фаульн посмотрел на брата с состраданием человека, не сочувствующего его переживанию.

– Я тоже люблю старика. Но все когда-нибудь умирают. Такова участь людей. Тебе скоро двадцать, а ты ведешь себя как ребенок!

– Может быть.

Альтур отвернулся.

– Ну что ты опять?!

Фаульн коснулся ладонью плеча Альтура.

– Думаешь, не знаю, что ты три ночи просидел у кровати отца? Но старику нужно, чтоб ты Уольвигом выучился управлять, мог заместить его, пока болен, а не ложку с микстурой подавал. На это Агние есть.

Альтур обернулся. Глаза снова искрились озорством, будто не было в них за мгновение до того грусти.

– Для замены у нас есть ты. Скажешь, не знаешь, насколько я прав? Я вообще смотрю на тебя снизу-вверх.

Лицо Фаульна залилось краской ни то от смущения, ни то от обиды.

– Да! Непростой выбор для человека выше меня ростом! – запальчиво воскликнул он.

– Да брось ты! – добродушно откликнулся Альтур. – Никто не замечает. Не знает даже. По-моему. Только мы и отец.

Фаульн сердился. Глаза его потемнели, и оттого казались почти карими.

– Главное, нам известно. И этого не изменишь.

Оба помолчали.

– Так что ты меня в глушь затащил? Сроду сюда не хожу! Какая польза от леса, если в нем и поохотиться нельзя?

– Ты у меня спрашиваешь? – улыбнулся Альтур. – Помнишь прекрасно, я не люблю это занятие.

– Да, потому что стрелять не умеешь!

Альтур никак не отреагировал на язвительный тон брата. В отличие от вспльчивого Фаульна, он обладал завидной выдержкой. Слуги короля, правда, частенько шептались про братьев: старший скор на расправу, да отходчив, а младший редко выходит из себя, но гнев его способен повергнуть в трепет самого смелого из них. Сейчас, в ответ на замечание Фаульна, Альтур лишь пожал плечами. Вслед за тем все же взглянул на брата испытующим взглядом.

– Я, в отличие от некоторых, не хожу в Заповедные земли. Не стреляю в разумных животных. И как только Орлеус соглашается их готовить? Если отец узнает, вам обоим не поздоровится.

– Это ты у нас избирателен в еде, – нахмурился Фаульн.

¹¹ Государственный совет при короле Уольвига.

Он на секунду задумался, стоит ли поведать брату об истинной цели своих вылазок к границам Уольвига. Растеряно изучал лицо Альтура и будто уловил в нем нечто, явно противоречащее такому намерению, произнес с превосходством в голосе:

– Отец ни о чем не догадается, если ты не проговоришься. А Орлеус не подозревает даже. Если тебе, проныре, так уж важно быть в курсе.

– Ну, положим, Орлеус не может не догадываться. Учитель маг на занятиях рассказывал о разнице в строении зверей и разумного народа. Если бы ты меньше прогуливал классы, уяснил бы.

Фаульн посмотрел на брата с досадой. Он едва сдерживал раздражение.

– Что я забыл на занятиях этого зануды?! Мне и тревожиться не о чем!

Вдруг рассмеялся и хлопнул Альтура по спине:

– Тебе надо волноваться, тихоня! Отец никогда не оставит Уольвиг на того, кто боится вида крови и держится в седле как девчонка.

– Я хотел тебе показать короткий путь через Альттун.

Неожиданно отозвался Альтур. Гнев Фаульна мгновенно рассеялся. Он с любопытством взглянул на брата.

– Что мне понадобилось в той стороне леса?

Альтур почувствовал, его затея грозит обернуться неудачей. И принялся кружить возле Фаульна, как маленькая собачка вокруг придворной дамы.

– Нет, ты должен пойти со мной! – с мольбой в голосе убеждал брата Альтур.

Привычно хмурое лицо наследного принца озарилось улыбкой. В такие мгновения все оно преображалось, как будто небо после грозы освещалось ярким солнцем. Любовь к младшему взяла верх над воспитанной им в себе холодной сдержанностью.

– Хоть скажи, куда мы?

– К Органной скале, – притрагиваясь к руке брата, точно этот жест способен его убедить, сказал Альтур.

Фаульн присвистнул.

– Этак мы к утренней трапезе не поспеем. И что там у Окита-ру?¹²

Альтур вновь залился румянцем.

– Я сочинил новую песню.

Взглянул на Фаульна. Лицо его показалось Альтуру мрачным. И он торопливо продолжал:

– Она – совсем особенная. Пока сложил только мелодию. Я хотел ее, ну песню, когда будут слова, исполнить на годовщине коронации отца. Но слов пока нет... вот я и подумал... отвести тебя к Органно... к Окита-ру... чтоб там напеть. Ты же знаешь, как там музыка звучит.

– Я слышал о твоей безумной идее устроить там театр.

Фаульн усмехнулся. Альтур повеселел.

– Так это не там вовсе! Я хотел из скалы театр в Альткарнике построить. Тиббелус говорит, что это возможно. Есть какие-то способы раздробить скалу и...

Фаульн не дал ему договорить:

– Тиббелус как же! Ты дружбу водишь с кем попало!

Первый раз Альтур не уступил.

– Тиббелус, как-никак, главный архитектор Уольвига!

– А еще он – кентавр! – разозлился Фаульн.

– И что же? – удивился Альтур.

– А то! Слишком много их стало при дворе. Словно для людей в столице работы мало! Так гляди, еще фавны все из Фавнгарда сюда переберутся.

¹² На всеобщем языке название Органной скалы.

– А чем они тебе помешают?

Фаульн все больше горячился.

– Ничем! А только, когда я стану королем, при дворе их не оставлю. Нечего им тут делать!

– Ты на себя наговариваешь, – примирительно предположил Альтур.

– Да, ты и правда, я смотрю, младенец совсем! Перестань меня под себя кроить, точно я такой же размазня. А я – другой!

Альтур взглянул на разгоряченное лицо брата с испугом.

– Мне не по сердцу, когда ты такой «другой».

– А какой есть! Это ты живешь, словно в облаках витаешь. Я так не желаю! А то летать, потом падать, ушибаться больно. И пока ты с Учителем магом про птичек да зверушек беседуешь, я в Ипастриуме доклады советников слушаю. Ты-то ведь, насколько помню, моим помощником поставлен. Но вот бываешь там через раз. Ты дни проводишь как ребенок! Музыка, архитектура, картинки. Думаешь, не знаю, что ты ползамка этого сброда на портреты перевел?!

– Это не сброд!

Альтур в ужасе смотрел на брата.

– Отец бы не позволил! Может ты и больше моего знаешь, но ты не должен!..

– А-а-а, говори с тобой! – отмахнулся Фаульн.

– Я-то думал... а ты!

Альтур резко развернулся и зашагал прочь. Гнев Фаульна мгновенно улетучился, стоило ему увидеть удаляющуюся фигуру «младшего» брата.

– Эй ты! Заноза! – крикнул вслед во всю силу легких.

Но Альтур, не оглядываясь, шел по тропе, которая недавно привела их сюда вместе.

– Эй! У меня нет твоего голоса. Мне трудно кричать, – безнадежно чуть слышно, уже самому себе, добавил Фаульн.

Немного потоптавшись на месте, он отправился в ту же сторону. Забравшись под деревья, сделал несколько шагов и увидел перед собой старый карник, символ королевства Уольвиг. Стволы деревьев по соседству обнажились и почернели от сошедшего снега, лишь серые «чешуйки» раскидистого карника выглядели сухими. Такими были и на ощупь. Фаульн прислонился к могучему стволу всем телом и сразу потерялся на его фоне.

Принца мучила досада за раздор с братом. Он никогда не обидел бы его нарочно. Это так же верно, как то, что порой непонятный в своих поступках, ранимый Альтур дороже ему всех людей, даже отца. Фаульн уважал отца и изо всех сил старался любить так, как, в его представлении, положено любить родителей. Но врожденной привязанности к родителю, что приходит к ребенку с первым вздохом уольвигунк, так называли в королевстве наследников, в себе не чувствовал. Первым другом и наперсником во всех проказах Фаульна был брат-близнец. Это не мешало им иногда ссориться. В последнее время размолвки случались все чаще. Фаульн и сам не мог понять, почему так происходит, и мучился каждый раз в поисках причины очередного столкновения.

На этот раз, чем ожесточеннее ругал себя, тем больше исподволь его забирала обида на брата, на его непростительное мальчишество и легкомыслие. И, что совсем уже глупо, как понимал сам Фаульн – на его талант. Даже не музыкальный – давний предмет зависти. Нет, его уязвляла способность Альтура ладить с людьми. Непостижимо легко давалось тому общение со всеми подряд: от зрителя королевских спален до командующего куэртной. И как часто бывает, стоит человеку обвинить себя в приключившейся с ним неприятности, тотчас находится в нем самом защитник, яростно указывающий на вину другого лица. Устав бороться с собой, Фаульн дал волю мыслям. Он так ушел в себя, что легкое прикосновение к плечу заставило принца вздрогнуть всем телом. Он испуганно взглянул перед собой. Увидел будто бы знакомого человека в походном костюме и высоких сапогах, какие обычно надевают в дальние поездки верхом. Только вот коня при путешественнике не было. Он молчал, пока собравшийся

с мыслями наследник Уольвига не признал в нем верховного магистра магов виклондов – Доктора мага. А Фаульн, узнав «незнакомца», рассердился, что друг отца подобрался к нему незаметно. Доктор маг усмехнулся, словно прочел его мысли.

– Я бы не стал рассуждать так громко о столь сокровенных вещах, стоя под карником¹³, молодой уольвигунк.

Фаульн растерянно взглянул в глаза волшебника, точно в них можно было «прочесть», что именно удалось тому услышать.

– Разве я думал вслух? – выпалил принц.

Доктор маг улыбнулся.

– Вы сами себе ответили. Предаваться размышлениям под карником тоже, что шептать у Окита-ру. Мысли разносятся тогда по сторонам, как добрая песня. Впрочем, в вашем случае, скорее не очень.

Принц смотрел на волшебника широко открытыми глазами. А Доктор маг внимательно изучал выражение лица собеседника.

– Для карника мысли, что ноты для музыкального инструмента. Он воспроизводит их как пиеста – мелодию, подаренную ей менестрелем. Что тут неясного? Право же, вы не так сметливы, как следует будущему королю.

Фаульн старался сохранить самообладание, пока его сердце, выпрыгивая из груди, отбивало барабанную дробь. Но лицо юноши предательски залилось румянцем, и глаза лихорадочно заблестели. На мгновенье он забыл о пережитом волнении.

– Королю?! – эхом отозвался он.

Доктор задумался.

– Все возможно.

Все еще наблюдая за принцем, маг улыбнулся.

– И вы не нуждаетесь в пояснении к сообщению о «способностях» символа королевства?

Краски тотчас схлынули с лица Фаульна. Побледневший, он устремил рассеянный взгляд чуть выше глаз собеседника, как обычно делал в разговорах с отцом, когда чувствовал себя виноватым.

– Пояснении? Нет, нет, очень интересно...

Доктор маг снова улыбнулся, но теперь улыбка его показалась бы принцу хитровой, если бы Фаульн хоть на мгновенье взглянул ему в лицо.

– Оно маленькое, но очень существенное. Музыка пиесты слышат все, имеющие уши. Для того чтобы услышать чужие мысли, передаваемые карником, тоже нужны уши, но особого рода. Думаю, ваши размышления о брате были подслушаны только мной.

Фаульн тут же безбоязненно посмотрел в глаза Доктору магу.

– Но меня они все-таки порядком расстроили, – закончил его собеседник.

Едва опасность огласки перестала угрожать принцу, он сразу успокоился. Он почитал Доктора мага как ближайшего советчика и друга отца, но догадывался, что тот не достиг бы одного из высших званий в кругу магов, если бы не умение держать язык за зубами и лавировать между интересами представителей свободных народов. Раз его сомнения не будут переданы отцу, в чем Фаульн теперь был уверен, расстраиваться не о чем.

– Он первым меня обидел, – рассердился принц.

Его собеседник нахмурился.

– Но вряд ли настолько, что достоин серьезного порицания с вашей стороны.

¹³ Карник – священное дерево королевства Уольвиг. По преданию оно было посажено самим государем Альткиндром из семени, привезенного из-за моря.

Фаульн чувствовал, как помимо воли растет в нем недовольство собой. Но после обмолвки Доктора мага о нем, как о будущем короле, принц никак не желал сдаваться на милость знакомому чувству.

– Он ведет себя как мальчишка! Совсем не помогает отцу...

– Уверен, вы с ходу перечислите его недостатки. Но будь он на вашем месте, разве Альтур сделал также?

Фаульн опустил глаза. Занятия – это глупо и говорить тут не о чем. На уроках Учителя мага не узнаешь того, что требуется для управления государством. Причуда отца, не больше. Да и до окончания курса осталось полгода. Но вчера, когда Учитель маг устроил проверку, Альтур все сделал за брата, пропадавшего весь день до этого в Альтис-рае, как на всеобщем языке именовались Заповедные земли, запретный край для всех народов Северверна, кроме магов виклондов. И он никогда не открывал его отсутствие отцу. Трудно себе представить, как тот разгневался, если бы узнал о его вылазках. И конечно Фаульн осведомлен, что королевским указом пятнадцатилетней давности общение с магом Отшельником, Хрономом, для всех, кроме виклондов, строго запрещено. Альтур, само собой разумеется, не догадывался, что брат нарушает одно из предписаний отца. Но король Стауг превыше других достоинств ценил в сыновьях послушание и страх разоблачения все равно существовал. А Альтур вольно или невольно своим постоянным заступничеством спасал брата от наказания, и возможно сохранял ему возможность взойти на престол. Лишь теперь Фаульн по-настоящему раскаялся. И сильно разозлился, но сейчас уже на себя.

– Ну что ж, молодой уольвигунк, нам не стоит задерживаться здесь. Иначе опоздаем к утренней трапезе.

Фаульн отважился взглянуть в глаза волшебнику. Он вновь боялся, что мысли, вихрем пронесшиеся в голове, ясны его собеседнику. Если тот и слышал их, с первого взгляда не понять. Доктор маг оглядел худенькую фигуру принца с головы до носков сапог.

– Ваши ноги промокли.

Волшебник прислушался.

– Даже кроны деревьев – не надежная защита от северо-восточного ветра. Он скоро доберется сюда. И принесет с собой похолодание.

– А правда, Доктор маг, этот ветер сопутствует вам, куда бы вы ни отправились?

– Может и так.

Глаза Фаульна преисполнились восхищения. Волшебник усмехнулся.

– Раз так хотят обо мне думать жители Уольвига. Иногда полезно поддерживать домыслы о себе.

Фаульн второй раз за утро улыбнулся и выскользнул из-под ветвей карника.

Доктор маг протянул руку, обнять Фаульна за плечи и тут же отдернул, повинувшись заведенному у людей этикету.

Фаульн заметил жест волшебника, и его улыбка стала еще шире. Он поежился.

– И правда холодно.

Мгновение спустя Доктор маг и наследный принц королевства Уольвиг не спеша отправились в сторону города, куда полчаса назад ушел расстроенный Альтур.

Глава 8. Совет

Хвороб поставил в центр длинного дубового стола восьмисвечник на высокой витой ножке и принялся зажигать факелы на стенах совещательного зала. Окна Советума выходили на северо-восток, и сюда редко заглядывало солнце. Хвороб поднял голову. Потолок терялся в полумраке. Он тотчас скрадывал редкий солнечный луч, что отваживался заглянуть в главный зал дворцового замка. И все-таки Хвороб любил вид, открывавшийся из окон Советума. Никогда не упускал случая полюбоваться округой, особенно после того как, по настоянию Тиббелуса Гала, в оконные проемы залили какой-то бесцветный раствор. Раствор затвердел, сделался прозрачным, и теперь не нужно было летом открывать ставни, а зимой сидеть в духоте. Застывший раствор делал окна непроницаемыми для холода, но хорошо пропускал воздух, так что в зале никогда не бывало ни холодно, ни душно. Двери Советума отпирались лишь в особых случаях, по распоряжению короля, происходило это не часто. И сейчас, воспользовавшись возможностью, Хвороб поспешил к среднему из четырех, располагавшихся полукругом, окон.

Внизу, у Анварта – восточных ворот замка – суегились троица кентавров Орнов из отряда дворцовых лучников. Хвороб усмехнулся, признав в них вчерашних дебоширов. Патруль дворцовой стражи задержал их в кабачке Мориуса прошлой ночью. Они распугали всех посетителей, занявшись метанием пустых бутылей из-под сойла¹⁴ в бочку швапеля¹⁵. Когда патрульные доставили их в замок, Хвороб беседовал с капитаном стражи Пеплумом. Они как раз сошлись на том, что и приличные женщины, вроде их жен, к старости становятся совершенно невыносимыми.

Пеплум расхохотался и подытожил: «Похоже, мне еще повезло. А помнишь, когда я женился на Арэн, ты говорил, она мне жизни не даст? Так теперь моя угомонилась. Накуралесилась в юности. А твоя Лиина, какая была тихоня, словно Сторожевая речка в безветренный день. Так теперь она наверстывает упущенное».

Подытожил, хлопнул приятеля по спине, а Хвороб обиделся. В этот момент дверь в караулку распахнулась, и в помещение ввалились патрульные, таща за собой буянущих кентавров. Правду сказать, сначала было не понять, кто кого арестовал. Настоящая куча мала. Хвороб сразу ушел и не видел, чем кончилось дело. Судя по суматохе у ворот, кентавры были примерно наказаны.

«Хороший народ – кентавры. Особенно Орны. Лучше воинов и не сыскать. Верные, отважные. Вот только пить им нельзя ни капли. А уж от такого крепкого напитка как сойл они вовсе теряют голову. И тогда держись! Со всеми подряд затевают стычки. Даже со своими. Как в этот раз с Мориусом. Он хоть и Савр¹⁶, все одно! Того же рода-племени. А им, пьяным, и не разобрать», – Хвороб вздохнул.

Он не раз советовал трактирщику перебраться подальше от дворцового замка в более спокойное место. Но тот отмахивался. Рядом две казармы куэртгов, от посетителей отбоя нет. А что пару раз в месяц загулявшие кентавры устраивают в его заведении разгром, так это с лихвой окупается в последующие дни. Родственники буянов обычно щедро оплачивают убытки.

Слуга услышал шаги в коридоре. Скоро начнется совет. Ему больше не хотелось думать о кентаврах-гуляках. Он взглянул чуть выше и дальше, туда, где чернели голые верхушки Альттуна. Вчера вечером прошел снег. Хвороб нахмурился. Что там ни говори, а люди зря болтать не станут. Два дня назад приехал Доктор маг и оттепели настал конец. Подул северо-восточный ветер. Хвороб тронул рукой стену. До того, как в окна залили чудодейственный раствор, зимой

¹⁴ Крепкий алкогольный напиток.

¹⁵ Легкий алкогольный напиток, популярный у молодежи Уольвига.

¹⁶ Одно из трех племен кентавров.

даже через закрытые ставни в зал задувал пронизывающий ветер. Теперь каменная кладка внутри хранила тепло, и руку уже не хотелось отдернуть. Ветер задул и снег напал, а настоящей метели не случилось. Снег задержался лишь на тропинках дворцового сада. Хвороб с удовольствием прошелся по хрустящему, еле заметному покрову, когда утром разносил завтраки в домики крылатых гонцов. Король Стауг давно собирался освободить любимого слугу от обязанности кормить воронов.

Хвороб поморщился. В свои сорок восемь король для него – мальчишка. Сложно представить, что его сыновья вот-вот достигнут совершеннолетия. Также трудно, как и молодому хозяину понять своего престарелого слугу. Хворобу в начале ноова исполнилось семьдесят семь. По людским меркам – солидный возраст. Да только... что делать в этом возрасте, если не служить прилежно? Больше всего Хвороб боялся, что его с почетом отправят на отдых. И сейчас, заслышав звук приближающихся шагов, он суетливо переступил с ноги на ногу, пригладил куртку, чтоб ткань в складках не топорщилась, обернулся и огляделся кругом. Он остался доволен увиденным. Спокойно, отчеканенной за годы придворной службы поступью направился к закрытым дверям Советума. Распахнул высокие узкие створки и выглянул в коридор. Со стороны трапезной приближалась говорливая толпа. Хвороб отступил к правой створке, вытянулся и замер, почти слившись с каменной стеной. Несколько мгновений спустя пространство Советума заполнилось голосами. В отсутствие короля, который по традиции входил в зал совещаний последним, гости замка не чувствовали себя связанными дворцовым этикетом.

Братья-книжники прибыли в столицу на рассвете. И король, обычно встававший не позже семи утра, ввиду важности представленного ими донесения, решил собрать совет в одиннадцать, сразу после утренней трапезы. Книжники шумно рассаживались за столом, когда на пороге показалась высокая фигура Доктора мага. Тотчас задвигались отставленные стулья, братья поднялись, приветствуя волшебника. Доктор маг быстрым шагом прошел к столу и занял одно из двух, остававшихся свободными кресел. Издавна его место было рядом с королем, никакие заслуги кого-либо из подданных его величества не могли этого изменить. Гул за столом затих, как по мановению волшебной палочки. Доктор маг оглядел знакомые лица.

– Не так давно мы расстались с вами, отец Вигнат, – обратился он к сидевшему напротив книжнику. – Я отправился сюда с тревожным предчувствием, которое, так случилось, ненадолго опередило воспоследовавшие ему важные события.

Отец Вигнат ответил не сразу, словно раздумывал, как начать:

– Да, дорогой друг, мы прибыли ко двору по делу, не терпящему отлагательств. И будь на то моя воля, вопрос, для разрешения которого мы с братьями прервали намеченный путь, имел бы менее болезненное решение. Но увы, это не в моей власти. Меня удручает одно. Я переживаю о братьях, оставленных нами в плену больше, чем о возможной войне с детьми Волеволда.

Книжник замолчал. Последние слова прозвучали как обвинение всем, и никто не отваживался нарушить внезапно воцарившуюся тишину. В коридоре послышались тяжелые шаги. И все взгляды невольно обратились к дверям.

– Оставим пока рассуждения, – вполголоса предупредил Доктор маг. – Его величество.

Как только в проеме показалась фигура короля, гости повскакивали с мест. Король поспешно направился к своему креслу. Он шел чуть наклонив голову.

Тяжелый недуг, терзавший правителя Уольвига последние три года, давал о себе знать все настойчивее. Король Стауг понимал, что своим видом теперь вызывает у подданных скорее жалость, нежели почтение. И это обстоятельство мучило его сильнее болезни. Некогда высокий статный воин превратился в тень себя самого. Худоба, которую не могла скрыть просторная одежда, дополнялась землистым цветом изможденного лица. Большие карие глаза на фоне впалых щек выглядели еще значительнее. С тех пор как болезнь превзошла в успехах старания

медиков, движения короля сделались стремительными, хотя и в прежние времена вряд ли кто-то назвал бы его неторопливым. Разве что теперь походка сделалась тяжелее, и голову король Стауг всегда держал слегка наклоненной, чтобы оставить придворным меньше возможностей разглядеть свое лицо.

Усаживаясь на место, король сделал рукой едва заметный знак в сторону дверной створки, у которой застыл старый слуга. Вопреки обычаю Стауг сам придвинул за собой кресло. Получилось не очень ловко и он, все еще глядя в стол, нахмурился. Устроившись поудобнее, почувствовал себя лучше и поднял глаза на советников. Отец Вигнат едва сдержал горестный вздох и с тревогой оглядел братьев. Книжники, на его счастье, хранили непроницаемо-серьезные выражения лиц, Доктор маг нередко гостил у своего друга, внешность короля не смутила его. Отец Вигнат не сразу отважился смотреть прямо в лицо его величеству. Мгновение он даже хотел воспользоваться монаршей хитростью – вести разговор не глядя в глаза собеседнику. Но пришел в себя и понял, что тот сразу догадается о причине столь странного поведения, а нанесение оскорбления венценосной особе не входило в планы книжника. Он пересилил себя и посмотрел королю прямо в лицо. И вовремя. На него в упор глядели бездонные карие глаза, боль и страдание оставили в них неизгладимый отпечаток. Сдавалось, их обладатель уже не раз побывал между жизнью и смертью, и сейчас с трудом удерживался на тонкой грани между ними. Отец Вигнат содрогнулся. Он не представлял, как можно заставить человека в таком состоянии принять тяжелое решение, не испытывая при этом угрызений совести.

– Итак, – начал, кашлянув, король Стауг. – господа, я собрал вас здесь в надежде, что мы сможем покинуть стены Советума с решением, которое бы устроило нас всех, – он обвел взглядом гостей. – Сколько бы ни понадобилось времени, чтобы его найти.

Братья-книжники почтительно отвели глаза, один Доктор маг остался невозмутимым и также хладнокровно смотрел в пространство перед собой.

– Осмелюсь начать, если позволите, ваше величество, – неуверенно встрял отец Вигнат.

Стауг лишь кивнул и опустил голову, то ли от давившего на него непосильного бремени выбора, то ли шадя чувства своих гостей. Книжник сразу ощутил облегчение. Не видя глаз короля, он мог вести разговор свободнее.

– Ваше величество, прийти к решению, которое устроило бы представителей всех свободных народов, я думаю, вы выразили наше общее желание. И...

Король поднял глаза на книжника. Из них исчезли прежние боль и грусть, как бывало когда-то, заплескали веселые искорки. Отец Вигнат был так ошарашен внезапной переменой, что замолчал на полуслове.

– Неужели, дорогой отец вы надеетесь, что в конце наших сегодняшних посиделок нам удастся осчастливить весь Северверн?

Книжник потерял дар речи. Прежде король никогда не позволял себе публичное отступление от этикета. Назвать чрезвычайный совет посиделками! Отец Вигнат не мог придумать, как на это реагировать. Зато его братья, похоже, не испытывали стеснения. Книжник услышал за своей спиной смешки, хотел обернуться и суровым выражением лица дать им понять, что не следует отвечать подобным образом на оговорки короля, пусть и сознательные. Но сперва в его поле зрения попал Доктор маг. Он улыбался. Растерянный отец Вигнат перевел взгляд на короля. По лицу того было ясно, что он откровенно веселится.

«Как можно разобраться со сложным вопросом при таком подходе к делу?» – подумал с досадой книжник.

Он опустил глаза, чтобы скрыть раздражение. В этот момент на его руку опустилась узкая ладонь короля, невесомая, как листок трилистника. Отец Вигнат вздрогнул и покорно поднял голову. Король смотрел на него неожиданно добрым, не монаршим взглядом.

– Дорогой друг, простите мне мою неумелую шутку. Удачные остроты – привилегия придворного шута. Но когда я вошел и увидел ваши лица, в них уловил я предвестие несчастья, –

король оглядел гостей. – В наши времена нельзя иметь такие выражения на лицах, к добру это не приведет.

Король грустно улыбнулся. Затем сделался серьезным, со щек исчез румянец, а глаза вновь приобрели болезненное выражение.

– Итак, – строго произнес король Стауг. – Отец Вигнат изложил мне суть ультиматума, навязанного ему предводителем оборотней Гатом, – обратился он к Доктору магу.

И услышал, как скрипнул стул под главой книжного братства.

– Мне знакомы подробности, ваше величество, – прервал объяснение волшебник. – Отец Вигнат посвятил меня перед советом.

– Вот как?

Стауг резко повернулся в сторону книжника, в глазах его промелькнуло раздражение. В это мгновение Доктору магу припомнился недавний разговор с наследником. Впервые он подметил разительное сходство принца Фаульна с отцом. Отец Вигнат явно чувствовал себя неуютно, он ерзал на стуле, как нашаливший школьник.

– Если ваше величество позволит, я бы исправил невольную его оговорку. Ультиматум не был навязан, – он оглянулся, ожидая поддержки братьев, но лица книжников оставались сосредоточенными. – Он не был навязан, – повторил отец Вигнат. – Мы лишь явились нечаянными проводниками воли монарших особ, изложенных в Священном договоре Мертвой зимы.

– Я не оговорился, любезный друг, – едва сдерживая недовольство, отозвался Стауг.

На этот раз слово «друг» прозвучало в его устах как издевка.

– Я не осуждаю вас за ваш поступок, ибо вы находились в безвыходной ситуации. Но я готов расценивать ваше согласие с требованием оборотней лишь как хитрость во имя спасения младших братьев, и не собираюсь обсуждать условия, предложенные вам серьезно.

Ропот советников стал ему ответом. Король обвел гостей тяжелым взглядом. К нему как будто вернулась прежняя, утраченная с недугом, стать.

– Это не означает, – продолжал он громче. – что я желаю развязать войну с оборотнями. Но принятие мира ценой такой жертвы для меня неприемлемо, – король помолчал. – А значит оно – не в интересах Уольвига.

– Ваше величество... – прервал Доктор маг.

– Я считаю, цель нашего сегодняшнего совета – найти другой способ предотвратить конфликт, – прервал волшебника Стауг. – Это все, что я хотел донести до вас, господа, прежде чем выслушаю ваши соображения. Я надеюсь, они не будут касаться назначенных условий ультиматума. Теперь, после сказанного мной.

Король замолчал. Лицо его приняло умиротворенное выражение. Волшебник, внимательно наблюдавший за ним, предпринял новую попытку вступить в разговор.

– Ваше величество, – негромко произнес он и сделал небольшую паузу, точно опасался, что Стауг снова оборвет его.

Король несколько мгновений назад едва одолевший гнев, похоже, готов был выслушать друга. Доктору магу вновь на ум пришла мысль о сходстве отца со старшим сыном. И представилось удивительным, что оно проявилось лишь с болезнью короля, до этого волшебник находил больше совпадений в характерах короля и младшего сына.

– Ваше величество, – вздохнув, продолжал он. – К прискорбию, мы загнаны в угол бездействием Ипастриума во время вашей болезни. И нам не приходится ждать смягчения условий подписания мирного соглашения со стороны оборотней. Время упущено. В Вис-ольне противостояние мирных жителей и сторожевых отрядов Гата дошло до опасного предела. Кроме того, – волшебник замолчал, пытаясь собраться с мыслями: – ультиматум, условия которого стали известны вашему величеству лишь сейчас, был вручен Ипастриуму посыльными верховного вожака Гонула еще месяц назад. Передан и отвергнут им без объяснения причин.

Король побледнел.

– Отвергнут кем?

Его руки сжали подлокотники кресла, так что побелели костяшки пальцев. Он растеряно посмотрел сначала на своего друга, вслед за тем – на отца-книжника.

– Главой Ипастриума является мой сын Фаульн.

– Номинальным, – невозмутимо отозвался Доктор маг. – Ваше величество, за время моего нынешнего пребывания здесь, я не раз имел возможность беседовать с наследниками, и смею вас успокоить, ни один из них не введен в курс дела.

Руки короля оставили опору и бессильно опустились на край стола. Лицо приняло прежнее холодно-бесстрастное выражение. Доктор маг внимательно следил за сменой настроений у своего друга.

– Если решение принималось не моим сыном, то кто все-таки ответственен за него? Благодаря кому правитель Уольвига выглядит в глазах своих подданных, словно дитя, не знающее, что творится у него в детской?

Несмотря на напряжение, царившее в стенах Советума, на лицах гостей появились и стерлись улыбки.

– Позвольте, ваше величество, обратиться к вашему слуге? – вместо ответа спросил волшебник.

– Распоряжением от третьего числа месяца ноова первый паж короля Уольвига Хвороб переведен на должность главного спальничего его величества и их высочеств, – с улыбкой поправил король Стауг.

В тени дверей старый слуга вытянулся в ожидании распоряжений. За столом отец Вигнат нахмурился. Ему все меньше нравился легкомысленный тон, заданный королем для обсуждения важного вопроса. Доктор маг повернулся к дверям.

– Хвороб, разыщите господина Корута. И попросите явиться к нам незамедлительно.

Хвороб торопливо и оттого слегка шаркая, бросился исполнять поручение. В Советуме воцарилось молчание. Спустя полчаса томительного ожидания в коридоре раздались шаги, и в зал влетел щуплый человечек с маленькой головкой, ее будто луковицу венчал вздыбленный «кустик» скудной «растительности» пепельного цвета. Судя по одежде, его застали врасплох. Свободная рубашка выбивалась из-под ремня широких штанов, заправленных в охотничьи сапоги. Едва человечек замер в нерешительности перед советниками, с правого плеча прямо в руки поспешавшего следом Хвороба, сполз короткий плащ, подбитый заячьим мехом. По лицу заместителя главы Ипастриума было видно, он пребывает в неведении относительно повода своего вызова. Под суровым взглядом короля господин Корут «съежился» и будто бы сделался меньше ростом. Стауг оторвал взгляд от фигуры подданного и повернулся к своему другу.

– К сожалению, уважаемый доктор, мне приходится обратиться за помощью, поскольку вам известны обстоятельства...

Доктор маг кивнул в знак согласия.

– Господин Корут, его величество, как и всех нас, интересуют подробности рассмотрения ультиматума, представленного государственному совету посольными верховного вожака Гонула месяц назад. А также обстоятельства, помешавшие доложить о нем вашему королю.

Тщедушный господин Корут буквально сложился пополам. Он с силой выдохнул и, кашлянув, начал тихим голосом:

– Дело в том, господин доктор...

Король Стауг нахмурился.

– Говорите громче! Вы даете отчет своему королю.

Корут с усилием перевел взгляд на его величество и вздрогнул, сиюсь выпрямиться. Но страх перед монаршим гневом не позволил его стараниям увенчаться успехом. Он опять нервно кашлянул.

– Дело в том, ваше величество, что требования верховного вожака оборотней было доставлено, когда Ипастриум обладал полномочиями решения всех вопросов Уольвига. Мне кажется удачным то обстоятельство, что документ сначала попал в мои руки. Я ознакомился с пунктами ультиматума, и поскольку оборотни в качестве гарантии заключения мирного договора, требовали выдать одного из наследников по выбору короля, посчитал необходимым собрать чрезвычайный тайный совет. И конечно другие члены одобрили мое предложение оградить его высочество, принца Фаульна, от участия в обсуждении такого вопроса.

Король Стауг сидел, глядя в стол, руки со сжатыми кулаками неподвижно лежали перед ним. Господин Корут осмелел, его голос зазвучал увереннее:

– Чрезвычайный совет, с позволения вашего величества, был созван ночью в Советуме, – он оглядел зал, точно припоминая подробности. – Члены его обсудили условия и с учетом ситуации нашли их удовлетворение невозможным.

Корут посчитал свой доклад полным. Он умолк явно довольный собой. Король Стауг вытянул руки перед собой и помолчал. В зале повисла напряженная тишина.

– По вашим словам, с моего «позволения», хоть и не посоветовавшись со мной, вы ввергли страну в вооруженное противостояние, которое грозит обернуться кровопролитной войной, – правитель Уольвига силился справиться с охватившим его волнением. – То есть, если я правильно понял человека, призванного помогать моему сыну и наследнику в отсутствие монаршей власти, эту самую власть осуществлять, он обрушил все эти бедствия на нашу голову обдуманно. Более того, похоже, он гордится тем, что принял опрометчивое решение, подкрепив его именем своего короля. И тем поставил нас на грань катастрофы, опозорил мое имя. Почему о постановлении Ипастриума не доложили мне?

– Но ваше величество, – щуплый господин снова испуганно ссутулился. – Я никак не мог... ваше состояние тогда не позволяло...

Король Стауг резко развернулся в сторону придворного.

– Не позволяло тогда?! Но прошел месяц, а доклада от вас я так и не услышал.

Господин Корут точно окаменел. Стало ясно, и под страхом смертной казни он больше не вымолвит и слова.

– Вы можете нас покинуть, – сухо отчеканил король.

Тотчас придворный «ожил» и смешно кланяясь, попятился к двери. Король проследил за ним и потом долго смотрел в дверной проем, пока фигура господина Корута не «растворилась» в полумраке коридора. Братья-книжники наблюдали за королем, Доктор маг хранил молчание.

– Дети Волеволда обещали сохранить жизнь наследнику, – наконец произнес волшебник.

Король обратился к советникам.

– Оборотни обладают способностью обращать людей в себе подобных, – жестко отозвался он.

– Это легенды, ваше величество, – мягко доложил Доктор маг. – Вот почему я настоял на изучении наследниками истории Северверна, записанной отцом Катурном. Сам Волеволд диктовал ему главы по истории своего племени. Первые стаи детей Волеволда заселили Северные Земли за три века до образования государства Уольвиг и за пять – до подписания Соглашения о мире с подданными первого властителя людского королевства. За все это время не было случая обращения людей в оборотней. И согласно записям отца Катурна, дети Волеволда такой способностью не обладают.

С каждым словом волшебника король все больше сникал.

– Я не видел ультиматума, представленного Ипастриуму, – медленно начал он: – действительно ли мы не в силах повлиять на условия содержания наследника, отданного в счет возмещения ущерба?

– Я могу уверить вас, ваше величество, что условия содержания принца будут достойными, поскольку наследник возместит оборотням потерю будущего вожака.

Король торопливо кивнул.

– Отпущен наследник может в случае...

– В случае принятия такого решения вожаком Гонулом.

– Мне тяжело повторять свой вопрос также как слышать ответ на него, и все-таки я спрошу. По вашему мнению, дорогой друг, нет никакой иной возможности избежать прямого столкновения с оборотнями?

Впервые с начала совета Доктор маг опустил глаза под взглядом короля.

– Я думаю, ее нет, государь.

От последнего слова король Стауг вздрогнул. Маги виклонды не являлись его подданными. То, что друг обратился к нему, как к своему повелителю, сказало об отчаянном положении государства больше, чем донесения крылатых гонцов с мест столкновений. Король тяжело, будто кукла на шарнирах, повернулся к отцу Вигнату.

– И вы такого же мнения, отец? – не совладав с собой, с отчаянием в голосе обратился к нему.

Он сделал предупреждающий знак, готовому ответить книжнику.

– Я прошу вас сказать, отринув соображения безопасности братьев, оставшихся в плену. Если от меня требуется принести в жертву сына, я вправе требовать честности от своих советников.

Отец Вигнат впервые бесстрашно взглянул в глаза короля.

– Я думаю, нет никакой возможности, ваше величество.

Король опустил голову, точно к нему вернулись боли, заговоренные накануне совета Доктором магом.

– Я смею просить вас, господа, оставить меня. Мне необходимо принять решение. Мне требуется время. И я прошу вас дать мне его.

Задвигались стулья, братья-книжники встали и спешно покинули Советум, вслед за ними тихо вышел Хвороб. В зале остались только правитель Уольвига и волшебник. Король, не замечая, что просьба его не была исполнена в точности, поднялся из-за стола. Он подошел к центральному окну, из которого еще недавно любовался округой его слуга.

– Существуют секретные главы Хронотума? – спросил он негромко.

Рядом с его тенью, на каменной стене выросла тень доктора Мага.

– Вы давно догадались?

– Сразу, как начал болеть. Значит, проклятье не ограничивалось тем, что мой единственный сын станет причиной вырождения рода, и я не смогу... – он усмехнулся. – Мы не сможем остановить распад государства. Властителю виклондов захотелось сократить время ожидания воплощения своей воли, он задался целью укоротить время жизни своего обидчика. Поразительно, – он обернулся к другу. – Нет, правда, удивительно, ведь виклонды не ограничены в сроке...

– Да, это было жестоко, – глядя на короля с сочувствием, откликнулся волшебник. – Но вам лучше моего известны обстоятельства, при которых я покинул родные земли и как этот мой поступок был связан с вами.

– И что меня ждет дальше? Нет, я не хочу знать ничего о себе, лишь... как мне помочь моим детям? Как выбрать? И почему отец не сказал мне о секретных главах? Вам ведь ведомо и это?

– Король Стогним считал, что ваше намерение жениться на ульфин – следствие слишком вольного воспитания. После того как Ульфрида поведала ему, что отдала венчальный браслет вам, стало ясно, пути назад нет. Тогда он вознамерился переписать Хронотум, исключив отдельные пункты, прежде чем тот попадет к вам в руки.

Стауг изумленно взглянул на друга.

– Но я видел подпись виклонда Дана. И почерк.

– Это был мой почерк. Король Стогним поручил мне переписать документ.

– И вам знакомы секретные пункты?

Доктор маг улыбнулся.

– Мне в руки попала лишь часть, предназначавшаяся для переписи. Король копировал страницы Хронотума сам.

– А где-то хранится оригинал, – в раздумье отозвался Стауг. – Но у меня нет времени для поисков, – он с надеждой взглянул на волшебника.

Тот молча кивнул.

– Ну что ж, в настоящий момент в оригинале мало толку. Но у меня не будет времени, принять правильное обдуманное решение, – почти с отчаянием проговорил он.

– Чтобы принять правильное, вероятно нет, – задумчиво подтвердил Доктор маг. – А для обдуманного – хватит вполне. Если мы не станем тратить его на поиски другого пути.

– Так тому и быть, – горько подытожил король Стауг. – Я прошу вас, мой друг, оставить меня в одиночестве.

– Я не покинул Советум лишь потому, что желаю помочь вам.

– Возможно я обращусь к вам потом. Но сейчас, прошу... мне надо подумать.

Тень волшебника соскользнула с каменной стены, король Стауг услышал удаляющиеся шаги, не обернулся. Некоторое время после ухода Доктора мага, правитель Уольвига простоял у окна, глядя на Альттун, верхушки деревьев его засыпала снегом поднявшаяся метель. Королю Стаугу пришло в голову, что его участь отчаянней участи вражеских лазутчиков в старые времена, когда было принято замуровывать их в стены живыми. Королю мерещилось, будто все камни древней столицы обрушились ему на плечи. Он все больше чувствовал слабость. И как всегда в таких случаях, собрался тотчас что-нибудь сделать.

– Хвороб! – крикнул он, не поворачиваясь к дверям.

– Я здесь, ваше величество! – тут же откликнулся, неизвестно откуда взявшийся слуга.

– Потушите факелы, двери закройте, но не запирайте. Советум потребуется нам завтра.

– Будет исполнено, ваше величество.

Король молча вышел из зала. В раздумьях он направился в южное крыло замка. Там в это время было тихо. Его занимали покои наследников, а они обычно проводили день в классных комнатах или на воздухе. Король Стауг остановился на пороге спальни старшего сына. Покои принцев представляли собой два просторных, соединенных между собой двустворчатыми дверями, сводчатых зала с резными деревянными колоннами, поддерживавшими расписной потолок. Король поднял глаза и шагнул в открытую створку наружной двери. По потолку спальни Фаульна «спешили» на охоту нарисованные придворные короля верхом на тонконогих скакунах.

Это была затея Альтура. В прошлом году он выпросил в помощники двух мальчиков из дворцовой стражи, у которых обнаружился талант к живописи. Управились за четыре недели. Роспись на потолке в спальне старшего брата удалась на славу. Досадно одно, в покои братьев, кроме их самих, мог заходить лишь король, да главный спальничий их высочеств. Кроме них, никому не довелось увидеть творение Альтура. Король залюбовался. Как точно изображены любимые псы Фаульна! Даже надорванное в схватке с кракалом ухо Зельда.

Опущенную руку Стауга кто-то тихо лизнул в ладонь. Король нехотя оторвал взгляд от рисунка и обернулся. За его спиной стояла гончая Фаульна – Гаруна. Чуть поодаль от них, в кресле принца, прямо на белой шкуре барса расположился ее родной брат Зельд. Он глядел на короля мрачным настороженным взглядом. Пес не одобрял присутствие незваных гостей в спальне хозяина. Стауг наклонился к гончей. Гаруна, в отличие от Зельда, была настроена благодушно. Она посмотрела в глаза монарха добрым грустным взглядом, и опять лизнула

ладонь горячим влажным языком. Потом вильнула хвостом и легла у его ног. Король бросил на нее невидящий взгляд, выпрямился и прошел по залу.

Здесь царил идеальный порядок. Между колоннами «пряталось» несколько стульев, заложённых картами окрестностей Альткарника; на сундуке для одежды рядом с кроватью лежала еще одна, составленная рукой принца. Король взял ее в руки. На карте тщательнейшим образом был прорисован северо-восточный край Альттуна с выходящей из него извилистой караванной тропой. Король Стауг, с замиранием сердца, проследил за ее изгибами. Тропа поднималась в угол листа, задевая окраину Заповедных земель, превращаясь в тонкий грифельный штрих, подбираясь к дому Хронома.

На мгновение королем овладел гнев, он швырнул карту на кровать с такой силой, что занавеси над ней взметнулись словно от сквозняка. В сердцах зашагал дальше, кулаком распахнул двери в покои младшего сына. Тут господствовал беспорядок. Даже стулья, расставленные между колоннами в спальне Фаульна, здесь были разбросаны там и тут, как будто веселая компания молодежи спешно покинула душное помещение ради новой затеи мгновение назад. В спальне Альтура действительно было жарко. Король пробежал через зал, взял со скамьи возле кровати кувшин, и вылил содержимое в жаровню, оставленную в ногах кровати Хворубом. Паленья в камине весело потрескивали, ставни на узких стрельчатых окнах плотно закрыты. Король в беспокойстве распахнул створки ставен, в спальню вместе с дневным светом ворвался ветер, тотчас загасивший все факелы по стенам. Пыхнул огонь в камине, испугано рассыпая искры на каменный пол и убрался обратно. Стауг покачал головой, старый слуга с каждым днем все хуже справлялся со своими обязанностями. Но он посвятил всю жизнь службе своему королю и вряд ли сможет пережить отставку.

Король Стауг усмехнулся. Ему самому осталось провести на земле Северверна считанные месяцы, а может быть дни. Пусть уж Хвороба отправит на покой после него тот, у кого хватит для этого хладнокровия. Фаульн. Король вспомнил о карте, найденной в его спальне, отвернулся от окна и машинально взял со стула рядом листок тонкой гримлинской бумаги. В правом нижнем углу пряталась овальная розоватая печать бумажного дома гримглоссов.

Чудесную бумагу ткут подопечные братьев-книжников. Она тонкая, но очень прочная. Стауг провел ладонью по чуть шершавой поверхности. Он был уверен, только его младший сын способен оценить изделия маленьких ткачей по достоинству, придавая им еще большую красоту. Король поднес листок к глазам. Из странного, казавшегося вблизи беспорядочным, сочетания штрихов собрался портрет кентавра Тиббелуса. Король взял с сундука еще один лист. Это был незаконченный портрет Фаульна. Стауг вздрогнул, точно в глаза сыну взглянул. Большие глаза принца на портрете были прищурены и смотрели на отца напряженно, и было в них что-то, чего король в своем наследнике прежде не замечал. Объяснить себе впечатление король Стауг не смог и с трудом отвел взгляд. Поднял еще рисунок. И увидел себя. Замер. Как сын мог так понимать его? Портрет изображал короля в дни болезни. Стауг припомнил, что младший сын просиживал возле него часами. Он всегда являлся с какими-то бумагами, отговариваясь необходимостью помощи Фаульну в делах совета. Когда отец чувствовал себя легче, сын подолгу разговаривал с ним и что-то черкал по бумаге. Теперь Стауг разгадал, что именно. Но на гримлинском листе король увидел не просто изможденное недугом лицо с усталыми глазами, но и то, что таилось за ними. Увидел и не сумел объяснить себе, как может его сын чувствовать так глубоко и как у него получается перенести свое знание на бумагу.

Король расстроено опустил листы на сундук, но положить их как следует ему никак не удавалось. Бумаги, шурша, соскальзывали под ноги. Наклонившись не раз и не два, король Стауг стал нервничать. Наконец, портреты ровно легли друг на друга, а уставший от борьбы с молчаливыми «противниками», король вернулся к окну.

За его спиной, за стеной, разделявшей спальни принцев, в двери своих покоев вбежал Фаульн. Собаки поднялись ему на встречу. Гаруна принялась ласкаться, поддевая голо-

вой ладонь наследника. Фаульн раздраженно отстранился. Он поспешил к сундуку с одеждой и вдруг услышал в соседнем зале шаги отца. Фаульн похолодел и схватил, упавшую на пол, карту пути к дому Хронома. Быстрый во всех своих решениях, не в силах ждать наказания, он бросился в спальню брата. Когда вбежал туда, отец стоял у одного из окон. Он не сразу отреагировал. Фаульн застыл на месте, в середине зала, не смея открыть рот. Несколько минут оба молчали.

– Отец, – позвал Фаульн.

Король обернулся.

– Что с вами, отец?

Стауг увидел выражение лица сына и постарался изменить свое, так напугавшее принца. Улыбка получилась не совсем естественная, но возымела действие. Фаульн сделал несколько робких шагов навстречу. Оставшийся путь король проделал сам.

– Что случилось, отец? – взволнованно спросил принц.

Король Стауг краем глаза заприметил в руке сына карту. Он не видел никакого прока в обсуждении того, что уже произошло, и сделал вид, что не обратил на нее внимания.

– Ничего более пугающего, чем выражение твоего лица, – сказал он, силясь говорить как можно мягче.

Фаульн смутился и опустил голову. Отец поддел указательным пальцем подбородок сына, приподнял и взглянул ему в глаза. Ничего из того что он видел прежде в рисунке Альтура, сейчас не заметил. Фаульн явно чувствовал себя неуютно, комкая в ладони листок с картой. И неожиданно для себя король сказал:

– Метель улеглась. А вчера Дарек у западной дороги видел зайцев. До заката несколько часов, если ты составишь мне компанию, я позволю взять моего сокола.

Глаза Фаульна зажглись азартом.

– Мы так давно не охотились вместе! – радостно воскликнул он и добавил смущенно: – Но отец, как же вы...

Он не сумел договорить.

– Если это доставит тебе удовольствие, – коротко отозвался Стауг.

– Мне можно собираться?

– И побыстрей, мой мальчик.

Фаульн, растроганный внезапной непривычной лаской в голосе отца, опустил голову, чтобы скрыть волнение, и выбежал из зала. Король посмотрел ему вслед, не торопясь, вышел следом.

Глава 9. Решение

В трапезном зале королевского замка царила суета. Из кухни пахло пряностями. Там в огромной печи на вертеле готовился кабан, трофей дозорных. Вчера монаршая охота не увенчалась успехом. Даже принц Фаульн, известный своей меткостью, вернулся с парой зайцев у седла и только. Но неудача не огорчила наследника.

Причина – в проступке, сошедшем Фаульну с рук, чего не случалось никогда прежде. Со старшим сыном король бывал особенно строг, видя в нем приемника. Небывалую отцовскую мягкость сын отнес в счет его болезни. И к вечеру того же дня бросил размышлять об этом. Но карту, на всякий случай, зашил в рукав коронационного наряда. Рассудил, что в ближайшее время надеть его не придется, а значит, в чужие руки она не попадет. Приподнятое расположение духа не покидало юношу еще и потому, что отец позволил ему всю охоту держать при себе Арсунка, любимого своего сокола. А сегодня утром, когда дозорные вернулись со службы с подношением, король затеял пир.

И замок ожил. Засуетились слуги, натирая до блеска полы в трапезной, начищая посуду. Из кухни в кладовую то и дело шныряли поварята, подгоняемые взмыленным и возбужденным важностью события главным королевским поваром Орлеусом. Суматоха заметна была уже на подъезде к главному зданию, внутри замкового двора, в пристройках, где жили придворные.

Повсюду властвовало радостное предвкушение. За время болезни повелителя Уольвига, подданные отвыкли от праздников. И даже если бы отряд дозорных не принес из Вис-ольна обнадеживающих вестей о прекращении оборотнями военных действий, жителям столицы, до которых война еще не докатилась, вряд ли что-то испортило настроение.

Пир в монаршем замке означал бесплатное угощение для горожан. На улицы из кабачков были вынесены лавки и столы. На них расставили фонари, чтоб народ сумел от души повеселиться до рассвета. И забегали посыльные из главного замка страны, таская окорока и бутылки со шрапом. Король запретил подавать горожанам крепкие спиртные напитки, но распорядился достать из кладовых свой лучший шрап. Его подданные не остались в обиде, терпкий, сладковатый золотисто-коричневый шрап лучше, чем в королевских шраповарнях не варили нигде. И потом, что может быть приятнее морозным днем, чем вкусный горячий напиток, который можно давать без опаски даже подросткам.

К вечеру трапезная выглядела так, словно придворные собрались отпраздновать годовщину коронации короля Стауга. Большие окна, залитые полицелумом, тем самым чудодейственным раствором изобретения Тиббелуса Гала, сияли чистотой. После его использования в трапезной не прошло еще ни одного праздника. И были гости, которые, зайдя в зал, тотчас приказывали слугам принести им шубы и плащи. Действительно, в прозрачном полицелуме закат над городом был виден как на ладони. При прежнем правителе трапезная служила ристалищным залом, где куэрты вместе с наследником престола оттачивали искусство сражения на мечах. Но король Стауг любил закаты и решил, что лучше использовать просторный зал в верхней части замка для общих ужинов с подданными. Никто не знал, что владыка Уольвига часто засиживается здесь по вечерам в одиночестве, предпочитая малоприспособленную для трудов трапезную своим покоям. Собравшимся вокруг длинного сервированного стола гостям пришлось подождать.

Чувствуя приятные запахи из кухни, и не имея возможности приступить к ужину, подданные короля Стауга начали скучать. Король вошел в зал с последними лучами солнца. Слуги, спешно зажигавшие факелы на стенах и свечи на столе, замерли на местах. Придворные склонились перед своим монархом, дамы присели в глубоких реверансах. К удивлению гостей, за королем следовали наследники, хотя, согласно этикету, они должны были уже находиться в зале и вместе со всеми приветствовать правителя Уольвига. Придворным, готовым принять

естественные для человеческих тел положения в пространстве, пришлось повторить ритуал. Когда же, вслед за уольвигунками, в трапезную вошли братья-книжники, по рядам придворных прошелестел ропот. Неприязнь к братству, замешанная на непонимании, была присуща не только необразованным простолюдинам Уольвига, при дворе представителям братства тоже не бывали рады. Так, под шепот своих подданных, король Стауг занял место за праздничным столом. Рядом – по левую руку от него – сели принцы, и через стул по правую руку – братья-книжники. Придворные в замешательстве толпились посреди зала.

– Господа, вы можете садиться, – достаточно громко, чтобы перекрыть общий гул разговоров произнес король.

Его подданные послушно поспешили к столу. Первый пир со дня долгой болезни короля грозил обернуться катастрофой. Когда все, наконец, расселись, стало ясно, что стул по правую руку от его величества пустовал не зря. Он предназначался для Доктора мага, который, увы, отсутствовал. Истомленные и до того долгим ожиданием, гости «скисли», не желая больше развлекать себя пересудами. Но король сделал знак, стоявшему за спиной Хворобу, тот, сиюсь держа прямой спину под взглядом стольких страждущих глаз, поспешил из зала. Скоро в трапезную явились пятеро слуг, неся на плечах блюдо с частями кабаньей туши – главным угощением сегодняшнего пира. Голод «победил» правила приличия. Интересом гостей безраздельно завладело чудо кулинарного искусства. Никто не обратил внимания на Доктора мага входящего в зал. Никто не приветствовал его согласно обычаю, лишь принцы повскакивали с мест. Волшебник, как будто испугался, что это привлечет придворных, жестом пригласил их садиться. Некоторое время в трапезной был слышен лишь звон приборов. И даже насытившись, гости короля не смели проронить ни слова, пока их повелитель не начал беседу с кем-нибудь. Редко кто из подданных его величества имел удовольствие общаться с ним, но все ждали, когда король обратится к избранному собеседнику с вопросом. Это послужило бы сигналом для гостей к началу общения. Общество зажужжало бы как растревоженный улей, погружаясь в обсуждение вчерашних новостей. На этот раз счастливый момент никак не наступал. Король молчал, к тому же после своего, как было объявлено подданным, выздоровления, он выглядел хуже, чем до последнего приступа болезни. И гости вечера опасались, что весь ужин придется провести в молчании. Что говорить, никакому кушанью никогда не удастся возместить радость праздного разговора. И все глаза были с напряжением устремлены на короля Стауга. Наконец, его величество обратился к старшему из своих сыновей. Придворные не могли слышать, о чем шла речь, но тотчас там и тут весело зазвучали голоса.

Беседа в окружении короля шла об охоте. Его величество вспоминал забавные случаи, стараясь рассмешить Фаульна, пока Альтур скулал рядом. Когда отец заметил, спросил младшего сына:

– Тебя не очень веселят охотничьи истории, мой мальчик?

Альтур смутился и помедлил с ответом.

– Да. Я давно хотел сказать, – он шумно вдохнул, словно легким не хватало воздуха. – давно хотел признаться вам, отец, из меня никогда не выйдет охотник.

Стауг рассмеялся так громко, что на мгновение замерли все голоса за столом. Вслед за ним расхохотался Фаульн и несколько придворных, не слышавших сказанного принцем.

– Я и не предполагал, что это занятие отвечает склонностям твоей природы, – отсмеявшись, проговорил король.

Альтур смотрел в стол, выражения глаз было не видно, на губах играла полуулыбка. Король положил руку на плечо сына.

– Не страшно вовремя признаться в своем неумении или незнании. И важно, что ты не заблуждаешься на счет своих способностей. Гибельно для полководца обнаружить слабость только на поле брани. Учитель маг хвалит тебя за успехи в науках. И в искусстве фехтования ты не отстаешь от брата.

– Мой конек – ближний бой, – горячась, перебил отца Фаульн.

И тут же осекся. Король Стауг взглянул на отпрыска строго.

– Ближний бой годится для младшей дружины куэрты¹⁷ больше, нежели для наследника престола. Очень надеюсь, что тебе никогда не пригодятся твои навыки.

Он опять обратился к младшему сыну:

– Я слышал, ты сочинил новую песню к празднику.

Альтур покраснел.

– Отец, я хотел сделать сюрприз.

– Это и будет сюрприз, ведь ни мелодии, ни слов я не знаю. До меня лишь слухи дошли.

Альтур с обидой взглянул на брата.

– Знаю, откуда эти слухи.

Фаульн вспыхнул.

– Ты не должен! Я не...

У него не хватило слов от возмущения.

– Принцы, на вас обращают внимание, – негромко урезонил наследников Доктор маг.

– Это не повод для ссоры, – поддержал его король Стауг.

Фаульн никак не мог успокоиться, и все нерастраченное раздражение обрушил на кусок мяса в тарелке. Альтур нахмурился. Неожиданно для всех, отец Вигнат, сидевший рядом с волшебником, обратился к королю:

– Ваше величество, прошу у вас позволения для себя и для братьев, покинуть пир.

Короля точно подменили. Лицо осунулось, глаза приняли озабоченное выражение.

– Уважаемый отец, не верю, что вы готовы нанести королю публичное оскорбление.

– У меня нет подобного намерения, ваше величество, но мысли о неотложных делах не оставляют нам возможности в полной мере насладиться угощением и приятной беседой.

Глаза короля потемнели от гнева.

– Я знаю, дорогой отец, какие мысли не дают вам покоя, – едва сдерживаясь, ледяным тоном произнес король. – И все же я прошу вас остаться. Быть может, эту мою просьбу вы исполните охотнее чем то, что обещали вчера. Дать мне время...

– Мы связаны словом, не позволяющим нам иметь право выбора, ваше величество, – коротко и так же холодно откликнулся его собеседник.

Братья-книжники заметно напряглись, готовые покинуть свои места по первому знаку отца Вигната.

– Прошу вас, здесь не место, – вполголоса произнес Доктор маг.

Только тут король и отец-книжник заметили, что за столом сделалось тихо. Король увидел испуганные лица сыновей. Он оглянулся и посмотрел в окно, туда, где над городскими кварталами, как тарелка, повисла ослепительно желтая луна.

– Хорошо, – наконец выдал он, обратившись к сыновьям. – Похоже, уже очень поздно. И если кому-то пора покинуть нас, пусть, к глубокому моему сожалению, это будут их высочества.

Братья переглянулись. На этот раз они походили друг на друга не только внешне, выражение на их лицах было одно на двоих. Они не успели попросить дозволения остаться. Король громко произнес:

– Господа, их высочества покидают нас!

Нахмуренный Фаульн и растерянный Альтур поспешили к выходу. Задвигались стулья придворных, но никто из них не успел подняться, братья очень быстро исчезли в дверях. Король наблюдал за сыновьями, пока они не скрылись из виду. Потом он повернулся к отцу-книжнику.

¹⁷ Куэрта – регулярное войско короля Уольвига.

– Ради нашей прежней дружбы, отец, что заставило вас нарушить все мыслимые приличия?

– Задержка. Непростительная заминка в решении важного государственного вопроса, ваше величество, – твердо начал книжник. – Я прошелся сегодня по улицам Альткарника. Всюду веселье. И это в столице страны находящейся на грани войны! Неужели известие о временном перемирии тому виной?! А мне кажется, причина тому – всеобщая беспечность. Ваше величество, мы с братьями при дворе второй день, но успели многое увидеть. На что и у самого правителя страны не ложится взгляд. Разве мыслимо, чтобы волю короля Уольвига представлял такой глава Ипастриума, которого мы видели вчера? Вы попросили нас об отсрочке, ваше величество, и отправились на охоту! Я ждал, что после этого вы предпримите какие-то шаги, которые позволили бы нам исправить ситуацию, но вместо приглашения на совет, я получил приглашение на ужин. В запасе не так много дней до того момента, как оборотни, не получив ответа, смогут казнить братьев, оставшихся в плену. И тогда в долину снова хлынут стаи детей Волеволда.

– Кто вам дал повод думать, что слово короля не будет исполнено?! – вскричал Стауг, ударил кулаком по столу и громко объявил притихшим гостям: – Господа, к сожалению, неотложные дела требуют немедленного обращения к ним. А потому я спешу сообщить, что был рад видеть всех вас сегодня и надеюсь, буду иметь удовольствие принять вас на годовщине коронации...

По рядам гостей разнесся одобрительный шепот.

– Но, несмотря на радость нашего общения, я объявляю, что ужин закончен. Вы можете не торопиться покидать трапезную. Но ваш король должен покинуть вас сейчас же.

Правитель Уольвига поднялся из-за стола, следом за ним – Доктор маг. Они направились к выходу, придворные поторопились проводить их согласно обычаю, братья-книжники последовали за королем.

Выйдя из трапезной, Фаульн не пошел вслед за Альтуром в свои покои. Он решил спуститься к северным воротам замка. Сегодня там дежурил патруль Старка Кнута. Старк записался в куэрту полтора года назад. И почти сразу попался на глаза старшему уольвигунку. Как и принц, он был заядлым охотником. Им хватило переброситься парой слов на осеннем охотничьем празднике, где куэрт стоял в карауле возле принца, чтобы почувствовать симпатию друг к другу.

И сейчас Фаульн сбегал по винтовой лестнице сторожевой башни в нижний этаж. На его счастье он никого там не встретил. Пройдя по коридору к караульной комнате, принц услышал шум и голоса за прикрытой дверью. Остановился в нерешительности, прислушался и узнал голос Кнута. Тот говорил громко, но слов за тяжелой дубовой дверью было не разобрать. Голос его звучал ожесточенно, точно он распекал подчиненных. Внезапно дверь распахнулась, едва не задев плечо Фаульна. Принц отшатнулся и спрятался в тени. Из комнаты выскочили двое караульных и поспешили в западное крыло. Дверь осталась приоткрытой и Фаульн, выскользнув из каменной ниши, сделал шаг и заглянул в просвет.

– Ну, кто там мается? Ты, Кислор? Заходи, да хлопни за собой дверь!

Слова, обращенные к несуществующему караульному, поторопили наследника. Он распахнул дверь и вошел. Зажмурился от яркого, после темных коридоров, света. Пятнадцать факелов чадили на стене, как если все караульные были на месте. Когда Фаульн перестал жмуриться, он увидел Кнута. Тот стоял в центре комнаты, перед ним на стуле сидел мальчик лет пятнадцати. Оба изумленно глядели на принца. Фаульн почувствовал себя неловко.

– Ваше высочество, – наконец произнес Кнут растеряно.

– Я проходил мимо и...

Наследник никак не мог придумать причину.

– Я вам нужен? – подсказал куэрт.

Фаульн кивнул.

– А я тут, – Кнут замялся. – вот, одному приходится разбираться, ваше величество.

Фаульну польстила вольная или невольная оговорка караульного.

– Я отправлю за тобой позже, – с подобающим для мнимого короля величием, отозвался

Фаульн.

Развернулся, намереваясь уйти.

– Раз я вам нужен, так я быстро! – раздалось за спиной. – Дело-то пяти минут.

Принц сделал шаг к двери.

– Расколоть этого щенка!

Фаульн тут же замер. Он-то решил, что подросток – мостящийся на краешке стула – еще один страждущий попасть в куэрту. С последней репликой караульного наследник преисполнился любопытства. Он никогда не видел лазутчика и принялся разглядывать. Тот оказался щуплого сложения, одет в коротенькую не по росту куртку на волчьем меху. Ее воротник топорщился, скрывая часть лица. Мальчик смотрел на Кнута, и принц пожалел, что не рассмотрел его лица раньше. Сейчас он мог видеть лишь плотно сжатые губы и чуть курносый нос. На карий глаз падала густая русая челка. Кнут молчал, он явно надеялся, что принц оставит их вдвоем с задержанным. Но Фаульн осматривался в поисках стула или скамьи. Ничего подходящего не обнаружил и прислонился к стене. Лицо куэрты «скисло». Он нехотя повернулся к пленнику.

– Итак, вернемся к началу. Ты околачивался у кабачка Мориуса...

– Я не околачивался, я зашел выпить швапеля с друзьями, – безмятежно поправил парень.

– А я еще не закончил, – нависая всей своей громоздкой фигурой над ним, прошипел Кнут. – Что-то дружков твоих я там не видал? А может они все разбежались?

– Я просто задержался поздно.

– Свина лысого ты задержался! Скажи лучше, никто в дружки к тебе не записался. У нас хорошие-то парни пришлым отворот-поворот дают. Твоя ошибка в том, что ты решил с королевской куэрткой познакомиться. Оно конечно, губа – не дура. Только от души скажу, не стоило.

Кнут слегка поддел ногой стул под пленником. Тот качнулся. Подросток на мгновение потерял равновесие, вцепился руками в сиденье.

– Качает?

Кнут усмехнулся.

– Еще не так закачает, если опять трепаться станешь.

– Я все вам сказал, – начиная нервничать, ответил «лазутчик». – Зовут Лён Мысик. Моя деревня в трех тысячах пятистах семидесяти шагах от западных ворот. Решили на праздник с братом пойти. Только мы в городе растерялись. Вот я зашел в кабачок, дорогу узнать.

– Как же! Я твою волчью натуру до печенки отбитой чую.

– Почему отбитой? – заинтересовался парень.

– Потому что это твое ближайшее не радостное, заметь, будущее. Я его тебе предсказываю, – Кнут склонился над юношей. – И спорить тебе со мной не резон.

Принц поморщился. Ему сделалось не по себе. Фаульну пришло в голову, он должен сейчас же что-то совершить, может даже остановить Кнута.

Но если этот парень и правда лазутчик? Фаульн даже прикрыл глаза от напряженного обдумывания. Когда он их открыл, его приятель все также нависал над пленником. Тот вжался в спинку стула, сгорбился. Фаульну по-прежнему не удавалось разглядеть его лицо. На какие-то секунды повисла тяжелая тишина. Кнут раскачивал стул под мальчишкой, вцепившимся побелевшими пальцами в сиденье. Когда стул был готов опрокинуться, караульный ловил его, возвращал на место и снова принимался раскачивать.

– Я же сказал. Я – Мысик из деревни рядом. Я на праздник пришел поглядеть. Вот и папаня мне говорил, не стоило бы, а я... – на одной ноте канючил пленник.

Кнут замахнулся кулаком ему в лицо, и отдернул руку у самой щеки. Паренек отпрянул, откинулся на спинку стула, едва не скатившись с ее раскачивающейся поверхности.

– Уворачиваешься? Молодец! Хорошая реакция. Может в дозорные тебя взять? Нам такие парни нужны.

Куэрт наклонился к самому лицу пленника.

– А? Что скажешь, волчья твоя морда?

Фаульн наблюдал за сценой широко открытыми глазами. Ему не довелось встречаться с оборотнями, а в связи с последними событиями, это было особенно любопытно.

– Ты скажешь правду, наконец?! – взревел Кнут так, что принц вздрогнул от неожиданности.

– Что говорить? – тонким звенящим голосом отозвался лазутчик.

Кнут замахнулся и теперь уже кулак «просвистел» в дюйме от носа паренька. Фаульн похолодел. Ноги стали ватными. Он знал, что должен остановить караульного. Но чувствовал, что не в силах это сделать. Отвращение к тому, что делал Кнут, смешивалось в нем с брезгливым отношением к оборотню. И все же Фаульн понимал, своим невмешательством он оправдывает жестокость приятеля и невольно помогает ему. Кнут схватил пленника за шиворот и принялся трясти, стараясь стащить со стула, в сиденье которого тот вцепился мертвой хваткой. Вдруг, караульный нелепо взмахнул правой рукой и с силой пнул ногой стул, так что лазутчик слетел с него и ничком упал на пол.

– Гаденьш! – завопил Кнут. – Кусаешься? Так значит?!

Он подскочил к волчонку. Тот едва успел подняться на колени.

– Вот ты и сознался! Волчье племя! Лучше, чем сознался! – он потрясал укушенным кулаком у носа испуганного паренька. – Повадки из себя не вытравишь!

Он с размаха ударил пленника в ухо. Оно сразу побагровело. Подросток уронил голову на грудь и схватился руками за покалеченное место. Кнут указательным пальцем левой руки поддел его подбородок и вновь замахнулся. Сердце Фаульна бешено колотилось. Он всем сердцем чувствовал раскаяние за свое бездействие. Но руки словно «приросли» к телу, а язык «присох» к небу. Принц уже и хотел, да не мог остановить приятеля.

Внезапно дверь в караульную комнату распахнулась. Фаульн с облегчением повернулся лицом к входящему. На пороге стоял Доктор маг. Всего мгновение. И в один шаг очутился рядом с Кнутом. Тот не успел нанести удар. Волшебник схватил за руку и с силой развернул караульного к себе. Принц увидел, что лицо Кнута покраснело, глаза лихорадочно блестели. Казалось, он не помнит себя, впал в какой-то непонятный азарт, словно игрок в трикет, которому идет карта. Кнут не понял, что случилось, глядел на волшебника невидящим взглядом. Фаульн перевел взгляд на пленника. Тот все еще – на коленях, раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками. Фаульн вздрогнул и прикусил губу, ощутил, как тому больно. Услышал голос Доктора мага:

– Вам следует подняться к сотнику.

Фаульн перевел взгляд. Волшебник стоял, положив обе руки на плечи куэрта. Кнут с бессмысленным видом тарасил глаза на Доктора мага и все старался развернуться к пленнику. Но вырваться из цепких рук волшебника было не просто. Эта сцена привела принца в чувство. Он осознал, чем для него может обернуться визит к куэрту, и сделал несколько робких шагов к двери. Благополучно выбравшись из караульного помещения, Фаульн надеялся незаметно проскользнуть наверх, в свои покои, но любопытство победило благоразумие. Он притаился в нише стены, подсматривая в дверную щель. Едва он расположился, как волшебник сделал то, чего никак нельзя было ожидать. Все еще держа караульного левой рукой за плечо, правой – он схватил его за подбородок и резким движением дернул вниз и в сторону. Удиви-

тельно, но таким образом, ему удалось «отрезвить» караульного. Глаза Кнута обрели осмысленное выражение и сделались злыми. Он, наконец, вырвался из рук Доктора мага и повернулся к оборотню. Но тут же дернулся обратно. Фаульн догадался, его приятель догадался, кто перед ним. Лицо Кнута не изменило выражения, но движения утратили уверенность. Фаульн никак не мог видеть лицо Доктора мага, но слышал голос:

– Вам тотчас следует явиться к сотнику.

Кнут сник и воззрился на волшебника беспомощным взглядом.

– Отправляйтесь немедленно! – прикрикнул волшебник.

Как ни странно, обычно вспыльчивый Кнут без единого возражения поспешил к двери. Фаульн вжался в стену, надеясь, что темнота скроет его от взгляда приятеля. Но тому, похоже, было не до наследника. Кнут пролетел мимо с прытью едва предсказуемой при его телосложении. Когда куэрт скрылся из вида, Фаульн снова подумал, что стоило бы убраться отсюда подобру-поздорову, но любопытство все еще удерживало его на месте.

Стоило шагам Кнута на лестнице стихнуть, в караульной комнате затеялся тихий разговор. Принц весь превратился в слух.

– Поднимайтесь, Гройл.

Голос волшебника звучал непривычно мягко.

– Как вы... – промямлил пленник.

Было ясно, ему трудно говорить. Принц сморщился. У Кнута тяжелая рука, не зря на королевских турнирах ему непросто отыскать достойного противника, даже среди воинов старшей дружины куэрты.

– Вы удивляетесь, что я вас признал? Это тем более непостижимо для меня, раз вас разгадал даже такой тугодум как Старк Кнут.

Фаульн передернуло от оскорбительного эпитета, которым наградил волшебник его приятеля. В конце концов, оборотни – низшая раса, чтобы там Учитель маг не твердил. И разговаривать с ними более почтительно, нежели с сыном человеческим не полагается. Тем временем за дверью послышался шорох, потом какая-то возня. Принц припал к щели, шуря один глаз. Доктор маг помогал оборотню подняться на ноги. Тот встал неуверенно, шатаясь. Волшебник, поддерживая его за подмышки, недовольно произнес:

– Вы так рисковали. Явись я чуть позже, вы бы ввергли нас в страшную трагедию. А сами за это заплатились жизнью.

Фаульн задрожал. С ним такое случалось порой, когда доводилось сильно нервничать. Сейчас Фаульн все больше злился на волшебника, и от невозможности высказать тому свое недовольство в лицо, его буквально трясло.

Как виклонд смеет клеветать на королевскую куэрту! Чтобы воины его величества казнили кого-то без суда, подобно разбойникам! Да что он себе позволяет?! Посреди этого гневного внутреннего монолога, наследнику вдруг удалось рассмотреть лицо лазутчика. Оно порядком опухло, после удара Старка Кнута, но прежние черты можно было угадать, а круглые серые глаза смотрели на Доктора мага ясно и упрямо. Мальчишка с усилием распрямился.

– Я только хотел узнать, убедиться...

– Узнать что?! – взбешенно отозвался виклонд. – Удастся вам украсить своим телом площадь столицы Уольвига, как вашему названному брату – площадь Игена? Убедиться в том, что куэрты способны на убийство, как и многие подданные короля Стауга?

Голос мага гремел все громче. Он словно совсем забыл об осторожности.

– Вы уже не щенок. Вам пора понимать! Вы поставили нас в крайне тяжелое положение!

Он осекся и перешел почти на шепот.

– Вы сейчас же покинете столицу. Я выведу вас за ворота, караульный Кислор с верными нам воинами проводят вас до границы Вис-ольна.

Наследник похолодел.

«Заговор!» – догадка поразила его словно молния, лишая сил.

Он заметался мыслями, обдумывая, что предпринять.

– Я не могу. Я должен встретиться с королем.

Реплика оборотня прервала его размышления.

– Правитель Уольвига не сможет принять вас. Сейчас он собрал совет. Там, кстати, должен быть и я. После совета у его величества вряд ли хватит сил для встречи с послами, тем более такого рода.

Фаульн видел, как оборотень побледнел. Это было заметно даже на раскрашенном во все цвета радуги избитом лице.

– Значит, то что сказал Скэрл – не шутка, Гат решил довести дело до конца?

– Вам не следует вести подобных речей, – нахмурился волшебник. – Не следует смотреть на конфликты свободных народов как на игру в трикет. Даже вам.

Последняя фраза показалась наследнику особенно загадочной. И именно она заставила его все-таки покинуть убежище. Фаульн метнулся к лестнице, ведущей в его покои. Прыгая через ступеньки, он услышал внизу шаги и обрадовался, что вовремя убрался восвояси. Наверху Фаульн проскочил мимо дремавшей на скамьях коридора стражи. Благодарностью за легкость его походки стало безмятежное похрапывание караульных.

Уже в своей спальне принц все никак не мог утихомириться. Он то садился на кровать, то вскакивал и принимался кружить по залу, спотыкаясь о расставленные повсюду стулья. Тайна, скрывавшаяся за беседой виклонда и оборотня, «язвила» своей неразрешимостью. Зная лишь то, что ему удалось услышать, принц не имел возможности ее раскрыть или хотя бы приблизиться к разгадке. Сознание этого мучило Фаульна. В довершение, ударившись уже не о деревянный стул, а об окованный железом сундук, что было чувствительно для его тощей фигуры, принц внезапно отважился. Приоткрыв дверь из спальни, он легко как прежде по пути сюда, проскочил мимо стражи, не потревожив ее покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.